

Егор Калинин

**Архивариус.
Пальмовые
листья судьбы**

18+

Егор Калинин

**Архивариус. Пальмовые
листья судьбы**

«Автор»

2026

Калинин Е.

Архивариус. Пальмовые листья судьбы / Е. Калинин — «Автор», 2026

К архивариусу Олышанскому обращается молодой студент, предъявляя странный артефакт — обрывок древнего пророчества, начертанный на пальмовом листе. Вскоре становится ясно, что этот фрагмент — лишь малая часть скрытого послания. Чтобы разгадать тайну до конца, герои снаряжают экспедицию к святилищу Шивы. Преодолев череду опасных приключений и суровых испытаний, исследователи достигают цели и обретают доступ к полному тексту предсказания, проливающему свет на грядущие события.

© Калинин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Егор Калинин

Архивариус. Пальмовые листья судьбы

Глава 1

Глава 1 Предсказание

Юноша привычно прижимал тубус, атрибут знакомый каждому посетителю легендарной Ленинки, как в народе называли Российской государственную библиотеку. Миновав величественный марш ступеней, он направился к посту сотрудника Росгвардии, растворяясь в тишине огромного здания.

По предъявлении заказа на пропуск Александр Олегович Токарев проследовал в назначенный ему зал в архиве, где его уже ждали.

- «Скажите, где я могу найти Ольшанского?» - обратился он к проходившей мимо книгохранительнице. Его голос громом прозвучал в мертвой тишине величественного зала архива. Женщина от ужаса расширила глаза и поспешно приложила указательный палец к своим губам, но было слишком поздно. Из-за стола поднялся, грозно нахмутив густые брови, доктор исторических наук Казимир Владимирович Ольшанский.

В его глазах мелькнул безмолвный вопрос: «Как мог этот смертный дерзнуть нарушить тишину святыни?» Его спасло лишь то, что мгновенно, словно ища прощения, он начал горячо объяснять:

- «Алла Викторовна Шарова. Она преподает психологию в нашем университете. Она звонила вам. Лицо Ольшанского, до того напряженное, мгновенно смягчилось. «Ах, Аллочка!»

Память Ольшанского, подобно гигантскому компьютеру, вмещала в себя огромное количество архивных текстов. Но в суете повседневности его разум, отсеивая всё, что считал незначительным, словно фильтр, пропускал лишь самое важное, оставляя за бортом мириады мелких событий.

Вчера Ольшанского разыскала Алла Викторовна Шарова, жена его давнего друга. С ноткой тревоги в голосе она попросила его уделить внимание одному из своих студентов, отнестись к делу с предельной серьёзностью.

- «Итак, юноша, что у вас?» - Ольшанский протянул руку, словно готовясь к очередному откровению. Он привык к потоку людей, что несли к нему так называемые древние рукописи - чаще всего лишь неуклюжие подделки, купленные доверчивыми искателями древностей на пёстрых азиатских базарах.

Александр, спешно раскрыв тубус, извлёк несколько узких, длинных листов, бережно завернутых в тонкую белую бумагу. Ольшанский, взяв в руки один из свитков, задумчиво провёл ладонью по лбу. Александр, пытаясь прорвать возникшую тишину, начал объяснять...

- «Понимаете, я специализируюсь на востоковедении и досконально знаю языки, используемые в Индии. Эти тексты – индийские, это уж точно. Но это не хинди и не маратхи.»

Ольшанский оторвал взгляд от причудливых листов.

- «Боюсь ошибиться, но полагаю, это санскрит. Один из древнейших языков, когда-либо звучавших на Земле. Его поэтично называют "языком богов". Увы, я им не владею, но найти того, кто сможет это перевести, думаю, не составит труда.»

Они покинули сумрачный архив и направились в лабораторию при библиотеке. Заведующим лабораторией был его давний коллега, Ефим Анатольевич Сазонов.

- «Слушай, Фима, - Ольшанский протянул узкий лист Сазонову, - надеюсь это не пустые мечты, но похоже, перед нами санскрит. И, ей-богу, на подделку это не тянет».

Сазонов, надев стерильные латексные перчатки, осторожно взял лист за края. Понес его к своему лабораторному столу, где подобно алхимику, склонившемуся над ретортами и колбами, принялся колдовать над древним артефактом. Спустя некоторое время он протянул лист обратно Ольшанскому.

- «Это, вне всяких сомнений, органика, - произнес Сазонов, задумчиво потирая лоб, покрывшийся испариной. - Пальмовый лист, покрытый каким-то составом. И если радиоуглеродный анализ не врет, что случается редко, то этот текст нанесен на лист еще до рождества Христова. Более точный ответ смогу дать только после компьютерного анализа. Казимир, признавайся, откуда это у тебя?» - не унимался Сазонов, Ольшанский махнул рукой: "Отстань". Тот тяжело вздохнул, чувствуя, как зависть обжигает изнутри. "Почему всё самое ценное всегда достаётся только тебе?"

Ольшанский, словно не слыша упрёков, положил перед Сазоновым несколько узких, длинных листов.

- «Сколько времени тебе понадобится, чтобы это перевести?» - голос его звучал ровно, но в глазах мелькнул огонёк предвкушения.

-«Как только закончу, сразу принесу тебе», — ответил Сазонов, и в его глазах загорелся ответный огонь. С бережностью, он взял листы и понёс их к своему рабочему столу, предвкушая новое открытие.

- «Придется вам, юноша, кое-что объяснить,» — обратился Ольшанский к Александру.

Александр никогда не знал своего отца. Со слов матери, Елены Егоровны Токаревой, её юношеской любовью был одноклассник Олег Долгополов.

Покинув школьные стены, Олег продолжил образование в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Окончив университет, Долгополов, связав себя узами брака с однокурсницей из Индии, которая, как оказалось, была дочерью раджи княжеского рода, отправился покорять просторы этой экзотической страны, где и продолжил свою карьеру. Спустя пять долгих лет Олег вернулся, но ненадолго. Прежние чувства вспыхнули с новой силой. Олег и Лена провели вместе лишь одну ночь, и спустя девять месяцев на свет появился их сын Саша.

Перед отъездом Олег оставил Лене исписанные санскритом листы, дав обещание вернуться. С тех пор и до сего дня, несмотря на все старания, включая обращение в МИД, о судьбе Долгополова так и не поступало никаких известий.

Все это и рассказал Александр Ольшанскому. В кабинет, где они сидели, влетел взъерошенный Сазонов.

- «Не представляю, как к этому относиться, - пробормотал он, - но послушайте, как это звучит. Правда, перевод сделан максимально близко к оригиналу и адаптирован для европейского восприятия.

...В тишине древних храмов, под шепот сидящих в медитации мудрецов, рождаются эти пророчества. Грядет эпоха, когда разум людей помутится. Матери прервут течение жизни своих нерожденных младенцев. Земля станет ценна лишь как вместилище подземных богатств, а истинное достоинство начнет измеряться одним лишь звоном монет. На большом континенте посреди океана человечество выпустит на волю невиданные недуги, уносящие миллионы жизней. Вслед за этим морские течения остынут, и континент покроется льдом, обратив земные сокровища в ничто. Начнутся землетрясения, и многие территории уйдут под воду. Запад погрузится в смуту, а Восток возвысится как новая светоч. Когда небо заполонят железные птицы, с севера явится могучая сила, способная низвергнуть ложных правителей. Древний символ Севера, могучий медведь, обретет поддержку в землях слонов и тигров, принесет миру обновление и истинную справедливость. И тогда наступит золотой век, период истинного духовного пробуждения.»

Кабинет погрузился в тишину. Первым нарушить её попытался Ольшанский, но внезапно сжавшееся от волнения горло выдало лишь хрип. Откашлявшись, он выдавил: "Ефим Анатольевич. Насколько, по-вашему, этот текст адаптирован к европейскому восприятию?"

Сазонов лишь развёл руками. "Санскрит - язык, глубоко уходящий корнями в индийскую философию, сложный. Но суть передана точно. Всё, что я могу сказать, исходя из своего опыта работы с санскритом, это то, что перед нами явное не завершённый текст. Должно быть продолжение."

Александр растерянно перевёл взгляд на Ольшанского. "Но у меня больше ничего нет."

Глава 2

Глава 2 Другого выхода у вас нет

Сазонов, выйдя из кабинета Ольшанского, направился к своей лаборатории, а в голове его настойчиво прокручивалось странное послание – неизвестно от кого и неизвестно кому. Смысл загадочных иносказаний, пусть и витиеватых, улавливался им без труда. Аборты, Гольфстрим год за годом теряющий тепло, словно предвещающая беду. Недра Земли хранящие богатства, большой континент, возможно, Америка. Нас терзают страшные болезни: СПИД, ковид, и те, что порождены чудовищными экспериментами с биологическим оружием. А землетрясения? Когда же стихия обрушится на целые страны неся гибель, и что это за страны? Идентификация «железных птиц» как дронов представляется очевидной. Однако концепция «золотого века» вызывает особый интерес. Ключевым моментом является определение местонахождения заключительной части текста. Там может содержаться информация, способная радикально трансформировать наше понимание будущего, а также отношение тех, кто первый столкнется с ним.

Научная карьера Сазонова и Ольшанского началась примерно в одно время, но их пути быстро разошлись. Ольшанский оставил далеко позади Сазонова по количеству научных работ, а недавно Казимир Владимирович еще и блестяще защитил докторскую. Сазонов же видел в Ольшанском не только успешного коллегу, но и настоящего везунчика. Этому способствовало и благосклонное отношение академика Яворского, который явно выделял Ольшанского как своего любимого ученика. Нельзя было игнорировать и несравнимо более высокие финансовые возможности Ольшанского. Показательным примером служит нашумевшее в определенных кругах дело о наследстве правнука промышленника Второва, в котором Ольшанский сыграл заметную роль.

Сазонов же зарабатывал на том, что, получая старинные рукописи или артефакты, убеждал клиентов в их поддельности. Затем он приобретал эти предметы за бесценок и перепродавал коллекционерам, которые были в них заинтересованы. Сазонов осознавал огромный риск: рано или поздно его позорный бизнес мог вскрыться. Но, ступив на эту стезю, он уже не мог свернуть. К тому же, дело приносило неплохие деньги, которые были ему крайне необходимы.

Главной болью его жизни была дочь – настоящая оторва. Недавно ее задержали при попытке продажи наркотиков. Спасла ее лишь влияние одного из клиентов Сазонова, которому тот поставлял древние манускрипты. Иначе дочери грозил бы пятнадцатилетний срок в Мордовской колонии. Однако эта услуга имела свою цену: клиент мог потребовать ответной услуги, и одна мысль об этом приводила Сазонова в ужас. Дочь же тем временем в третий раз легла в наркологическую клинику, и судя по всему, это был далеко не конец их истории.

Предсказание на санскрите, очередное проявление случайности в непрерывном потоке событий, не вызвало у Сазонова прежнего удивления. Как и в предыдущих случаях, именно к Ольшанскому обратился студент. Между тем, подобные инциденты имели потенциал кардинально изменить научную карьеру ученого и обеспечить ему международное признание.

Через два часа раздался звонок. На другом конце провода был тот самый клиент, спаситель его дочери. Голос его, не терпящий возражений, пригласил Сазонова вечером на «рюмку чая».

«Помянешь нечистого, так он тут же и объявится,» – промелькнула мысль. Ничего хорошего от этого визита он не ожидал.

- «Как ваши дела, Ефим Анатольевич? Как дочь?» – прозвучал голос хозяина огромного загородного особняка. Роману Кирилловичу было за шестьдесят, и он говорил с той неспешной уверенностью человека, чьи слова имели вес, а желания исполнялись без промедления.

- «Ефим Анатольевич, не стойте. Присаживайтесь, налейте себе что-нибудь.»

Сазонов, словно утонув в массивном кожаном кресле, взял первую попавшуюся бутылку. Несколько судорожных глотков – и ничего. Ни аромата, ни вкуса, лишь жгучее ощущение в горле.

- «Эко вас накрыло, любезный», - сказал собеседник с ноткой сожаления. - «Вы ведь знали, что я попрошу ответную услугу, равную по значимости оказанной.» Сазонов молча кивнул, не найдя слов.

- «Речь пойдет о Евангелии, — продолжил он, — об Остромировом Евангелии.» У Сазонова пробежал холодок по спине, и на лбу выступил пот. Остромирово Евангелие - самая древняя рукописная книга Древней Руси. Она была написана в 1056 году по приказу новгородского посадника Остромира. В наши дни эта уникальная рукопись хранится в «Ленинке».

- «Но это невозможно,» — выдохнул Сазонов, его голос сорвался на хрип.

Роман Кириллович, сдвинув брови, впился взглядом в собеседника.

- «Невозможно было вызволить вашу дочь из СИЗО, снять с нее все обвинения и вернуть вам. Или вы считаете это неравноценным обменом?»

Воздух вокруг словно загустел, сдавливая грудь Сазонова. Пауза затянулась.

- «Поэтому, уважаемый, давайте каждый будет держать свое слово. Тем более что вы уже имели дело с подобными...» - он запнулся, ища нужное слово, - ...операциями. Да, я знаю о вас многое.»

В памяти Сазонова вновь всплыл недавний гешефт с одним известным ресторатором. Ефим Анатольевич достал из архива рукописный старинный рецепт изготовления водки «Смирнов», сделал копию с помощью знакомого каллиграфа, искусственно состарил её в своей лаборатории и положил на место оригинала, а сам оригинал продал ресторатору. - «Но это всего лишь листок с рецептом, а не старинная раритетная книга, которую сразу же хватятся.» — Роман Кириллович досадливо поморщился раздражённый необходимостью объяснять очевидное. - «Ефим Анатольевич, согласитесь, что цена за услугу, которую вы получили авансом, несоизмеримо выше. Давайте закончим этот бессмысленный разговор, тем более что другого выхода у вас нет.»

Глава 3

Глава 3 Русь. 945 год от Рождества Христова.

В своем походном шатре, окутанный тишиной предрассветных часов, князь киевский Игорь Рюрикович ожидал вестей. Внезапно полог отдернулся, и на пороге возник воин из его дружины.

- «Дозволь княже, – произнес он, – Прибыл посланник от древлянского князя Мала, сын его Добрыня, с данью.»

Год назад древляне осмелились отойти от Руси и отказались платить дань. Князь Игорь, разгромив их войско, наложил на непокорных суровое наказание – увеличенную дань. Собрав часть должного, он отправил дружину обратно в столицу, а сам же с малым войском направился к граду Искоростень. Там он намеревался собрать оставшуюся дань, помня, что древляне не предоставили своих воинов для похода на Византию.

Перед Игорем стоял юный княжич. Склонившись в глубоком поклоне, он произнес:

- «Не гневайся, князь. Отец мой, Мал, князь древлянский, послал меня к тебе с данью и велел слово молвить. Все что смогли, привезли: пять возов пушного товара, бочки с воском, медом и брагой. Но слово его таково: чтобы боле не приходил. Ничего боле не даст».

Игорь нахмурился, вспоминая, как, разбив дружину древлянскую, подошел к граду. Мал в тот час был в отлучке, не успел к часу сечи. В граде осталась его жена Беляна. Желая спасти Искоростень от разорения, она открыла Игорю городские ворота. Град он жечь не стал. Потребовал от Беляны лишь целовать стремя его в знак верности. После трапезы в честь дружины, изрядно захмелев, Игорь вошел в светелку Беляны. Та же, чтобы избежать позора, бросилась из окна оземь. Корил себя Игорь за несдержанность, но сделанного не воротишь.

Сейчас же, смотря на сына Мала, не мог спустить он сказанных ему дерзких слов. Брагу решил выкатить дружине, а Добрыню вести пленником в Киев и готовить войско в новый поход на Искоростень. Связанный Добрыня, лежа в возу вспомнил слова отца: «Аки повадятся волк в овчарню, да повыносит все стадо, пока не убьют его.»

Мал не собирался отпускать Игоря со своих земель. Ночью, дождавшись, когда дружинники Игоря захмелеют, посекали всех. Игоря же пленив, решили казнить, как испокон веков делали родичи их. Склонив две березы, привязали князя. Игорь, поняв какую смерть ему готовили, помолившись Перуну, боле не произнес ни слова. Лишь кровь брызнула навстречу восходящему солнцу и достались останки Игоря, разнесенные по лесу лишь зверям лесным.

В Киеве, жена Игоря Ольга, после гибели мужа, стала полновластной княжной киевской. Сын ее Святослав по малолетству был при матери.

Главный воевода князя Игоря Свенельд, рвался в поход на древлян за отмщением. Ольга же замыслила свое.

К тому времени древлянский князь Мал, жаждущий власти над Киевом, послал двадцать лучших своих воинов свататься к Ольге.

Люди киевские, встретив послов с почетом, взяв на руки приплывшую ладью с древлянскими почетными мужами принесли ее перед Ольгины очи. А стояла княгиня на краю огромной выкопанной ямы, куда и опустили ладью с послами закапывая тех живьем. И только слова Ольги: - «Хороша-ли вам честь?»- были им прощанием со светом белым. Ольга же послала Малу гонца, чтобы ожидал ее на месте гибели Игоря, где хочет она справить тризну по мужу.

Встречал Мал Ольгу с самыми достойными мужами Искоростеня за накрытыми для тризны столами. После приветственных слов, Мал с кубком в руке обратился к Ольге:

- «За то, что сотворил Игорь с землей древлянской, дал выкуп он смертью своей и за то простил я его». Ольга, сверкнув глазами бросила ему в лицо.

- «Ты простил, а я тебя не прощаю». После этих слов кинулись ратники киевские на древлян и посекли всех до единого.

Взяв в осаду Искоростень, стали ждать. Когда в городе стали кончаться припасы прислали послов с согласием на любую дань. Ольга милостиво согласилась, но повелела с каждого двора прислать ей не мешкая по три голубя. Привязав к лапкам птиц тлеющий трут, отпустила. Голуби вернулись к родным кровлям и запылал Искоростень сразу со всех сторон. Никого не выпустила Ольга из города. Так исчез бесследно народ древлянский.

Все эти сказания о временах прошедших рассказывались в детстве Остромиру, ныне посаднику новгородскому и другу его Изяславу, сыну Ярослава Мудрого, теперь же князю киевскому. Пришло и их время. Изяславу сложно было одному править удаленными и немалыми новгородскими землями, потому то и был там посадником Остромир, близкий друг и родич. Да и жена Остромира Феофана, сестра Изяслава и племянница византийского императора, связывала их кровными узами еще крепче.

И Остромир, и Изяслав, вспоминая сказания о княгине Ольге понимали, что двигала Ольгой не любовь к мужу, а забота о сохранении Руси. Если бы она потеряла древлянские земли, то и другие также захотели бы отойти. Сейчас был такой же момент. Чудские земли, что были под Русью, переставали платить дань, а некоторые племена и вовсе нападали на города и поселения русичей. Убивали, грабили и уводили людей в полон.

Остромир сидел на Ярославовом дворище рядом с Вечевой площадью. Со своего «степенного» места с высокой спинкой, он внимательно рассматривал склонившегося перед ним в поклоне монаха.

- «Брат Григорий, принял я решение. Да будет в Софийском соборе Великом, Евангелие достойное престола Новгородского. Возьмешься ли за труд сей?»

Григорий еще ниже склонил голову.

- «Господине посадник, рад послужить делу благому. Какой облик желаешь ты для книги святой?»

- «Пусть будет писано на пергаменте чистом, уставом строгим, как в греческих литургических книгах. Три образа евангелистов Иоанна, Луки и Марка, да будут в византийском стиле, красками с золотом.»

Григорий кивнул.

- «Разумное пожелание. А текст апракос ли изволишь, с чтениями от Пасхи до Пятидесятницы, иль полный кодекс?»

Остромир на секунду задумался.

- «Апракос брат. Да включи месяцеслов с сентября, и чтения особые. На освящение церкви, в победу царю на брани, за болящих. Чтоб служила книга, и в праздник, и в скорбь.»

Монах лукаво прищурился.

- «Понимаю. А имя твое господине, где надлежит вписать? В послесловии, как обычай велит?»

Остромир поднял вверх указательный палец.

- «И жену мою Феофану помяни, и чад наших. Пусть будет молитва о здравии нашем и о благословлении Господнем на труд сей.» Григорий переступил с ноги на ногу.

- «Все исполню по слову твоему. Срок же год иль два.» Остромир сдвинул брови.

- «Год. К маю 1057-го да будет готово.» Григорий принял тугой кошель от Остромира.

- «Благословляю начало дела. Начну с завтрашнего дня, с молитвы и чистого пера.»

Остромир перекрестил монаха.

- «Да хранит тебя Господь брат Григорий. Помни, книга сея, не для келейного чтения, но для славы Божьей и Новгорода.»

Монах уже ушел, а Остромир все сидел, вспоминая свой разговор с князем Изяславом Ярославичем.

- «Посадник, слышал ли? Чудь вновь не прислала дани. Говорят, их старшины бросили наши гривны в огонь и сказали: «Пусть русские сами придут за ними». Что скажешь?»

Остромир спокойно проговорил.

- «Княже, чудь всегда горда. Но ныне особенно дерзят. Ловят наших купцов у Пскова, жгут деревни у Ильменя. Коли смолчим, завтра пойдут дальше. Надо идти.»

Изяслав развернул пергамент с картой.

- «Путь не легок. Леса, болота, броды. Как бить их, чтоб не потерять дружину?» Остромир посмотрел на карту.

- «Два пути княже. Первый вдоль реки, но там их засады у переправ. Второй через северные топи, где они не ждут. К городищу подойдем в сумерках без шума. А проведет нас, мой тысяцкий Прокша. Из тех мест он. Отец, воевода острога русского, а мать из племени онегов чудских. Так что и наречие чудское понимает, и места ему знакомы. Прокша давно у меня. Воин добрый.»

Изяслав поднял голову от пергамента-

- «А если закроются за валами? Их частоколы крепки, а луки бьют далеко.»

Остромир усмехнулся.

- «Пусть бьют. Мы принесем пороки, забросаем камнями, а лестницы поставим, когда ослабнут.»

Изяслав задумался.

- «А коли захотят мириться? Пришлют старшин с поклоном?»

Остромир твердо ответил.

- «Примем дань вдвое княже. Но пусть знают. В следующий раз не будет переговоров. Сила, единственный язык что чудь понимает.»

Изяслав встал.

-«Будь, по-твоему, посадник. Собирай дружину и на заре выступай. Пусть помнят, Русь обид не прощает.»

На том друзья-братья и порешили. Изяслав остается в Новгороде, а Остромир едет воеводой на брань.

Тысяцкий Прокша, был родом из тех мест. Отец – русский воевода из острога на Чуди, мать из чудского племени онеги, что жили на реке и занимались рыболовством. Ни пахали, ни охотились, а все что им было нужно меняли на добытый улов. Славилась онеги своими красавицами, коих и среди русичей не сыскать. Прокша, как и отец его, присмотрел невесту из онежских девушек. Но налетели люди из племени вядов и похватали девок онежских, всех кто был без присмотра на реке. Удел таких полонянок, быть женами вядских воинов, жестокого и воинственного народа. Остался Прокша без своей невесты. С тех пор и возненавидел он лютой ненавистью вядов.

Получив благословление отца, ушел в дружину Новгородского посадника. И теперь вел Прокша Остромирову дружину напрямик к городищу Осек-Декинив, по-русски «Солнечная рука». Дело было не в том, что именно там находилась взятая в полон его невеста, то дело прошлое, а в том, что Осек-Декинив был главным местом чуди. Коли взять его, то и остальные покоряться.

Дружина двигалась осторожно, медленно обходя болота по известным Прокше бродам. Рядом с Остромиром ехали тысяцкий Нежата Путила, спокойный и рассудительный, и Терех Лютый, одного взгляда, на которого было достаточно, чтобы понять, что не зря ему дали это прозвище.

Вокруг попеременно с огромными, разлапистыми елями торчали сухие скелеты деревьев. Стояла вязкая тишина, только зловонно дышали болота, незамерзающие даже в самый трескучий мороз, как будто бормоча древние заклятия чужакам, которые осмелились потревожить их.

Прокша, а за ним Остромир с тысячками спешившись медленно, стараясь не шуметь продирались сквозь чащу. Вдруг Прокша неожиданно поднял руку. Все замерли. Он осторожно раздвинул листву, и все увидели обширное капище со вкопанными деревянными идолами с пустыми, черными глазницами.

Посередине стоял чум шамана. Шаман Окат жил здесь всегда. Еще когда отец Прокши пришел на Чудь ставить русский острог, тот уже был здесь. Прокша мальцом часто бегал к шаману и Окат учил его собирать разные травы, разговаривать со всякой лесной тварью и зверьем, слушать лес. Сейчас же Прокша хотел услышать совет шамана, как лучше незамеченным пробраться к городищу вядов.

С противоположной стороны капища послышался звон бубенчиков. Прокша дал знак всем лечь. И уже лежа, из-за стволов деревьев они наблюдали за разворачивающимся на их глазах ритуальным кошмаром.

Процессия из воинов, шаманов и старшин кланов вядов двигалась к капищу. На одежде шаманов позвякивали бубенчики. В центре шествия низкорослый вядский конь, тащил обшитые звериной шкурой волокуши со связанным русичем. Шаманы разожгли костер, поставили на него котел и помешивая стали бросать в него пучки травы. От котла по воздуху потянуло едким дурманом.

С большими промежутками между ударами глухо звучал бубен. Пленника крепко привязали к идолу так, как будто возвышающаяся голова истукана, с хищно раззявленным ртом собиралась откусить жертве голову. Затем все по одному стали подходить к котлу, и передавая друг другу ковш, стали пить варево. Удары бубна стали убыстряться и в такт ударам вяды раскачивались из стороны в сторону.

Вдруг один из шаманов завизжал так, что отдалось болью в ушах. Подскочив к пленнику, он выхватил нож. Было видно, как у русича от напряжения на шее вздулись и запульсировали жилы. Шаман одним, неуловимо быстрым движением, вспорол жертву от горла до мошонки. Вырвав из груди еще пульсирующее, выталкивающее кровь сердце, бросил его на жертвенный камень. И тут остальные вяды, как стая голодных волков, бросились на жертву вырывая внутренности и впиваясь в них зубами. Нежата не выдержав отвернулся. Терех, скрипя зубами, сжимал рукоять меча. Остромир не в силах отвести взгляда проговорил:

- «Не след нам менять одну жизнь на тысячу. Нельзя шуметь.» И подумав добавил – «Чудь придет, народ пожрет.»

За все время этого кровавого действия, шаман Окат так и не появился из своего чума. Через некоторое время, вяды тяжело дыша стали приходить в себя и поодиночке поплелись к себе в городище. Из чума вышел Окат, сел у догорающего костра и негромко проговорил:

- «Выходи Прокша. Сегодня больше никто не придет.»

Прокша вышел из-за деревьев, подошел к костру, сел рядом.

- «Как узнал, что я здесь?»

Шаман помолчал.

- «Ты забыл, я шаман, говорю с духами. Давно ждал тебя.»

Прокша удивленно посмотрел.

- «И знаешь зачем?»

Шаман достал и раскурил трубку.

- «Знаю Прокша. Ты хочешь помочь своему северному хакану, покорить мой народ. Хочешь, чтобы мы забыли свои имена, своих богов и поклонялись твоему распятому богу.»

Прокша удивленно спросил:

- «И ты не помешаешь мне?»

Шаман покачал головой.

- «Я не в силах изменить судьбу. Твоя страна большая и сильная, а Чудь стоит на ее пути к большим горам. Пришло время, также как и многим народам до нас, уйти в забвение.»

Прокша приложил руку к груди.

- «Но русичи не собираются уничтожить чудской народ.»

Шаман вздохнул.

- «Наша кровь, раствориться в крови твоего народа и останутся только легенды. Кровь твоего отца сильнее крови твоей матери и поэтому ты сейчас здесь.»

Штурм начался на рассвете. Прокша следуя совету шамана, разведаль тайный лаз в городище с северной стороны стены. У входа в лаз в предзвездном тумане догорал костер. У костра сидели двое дозорных вяд. Прокша дождался, когда один из них направился за сухим ельником, снял тетиву с лука и накинул тому на горло. Ко второму подобрался с подветренной стороны, зажал рот и полоснул ножом по натянувшемуся горлу.

Вслед за Прокшей в лаз стали запрыгивать все новые и новые ратники его тысячи. Только выбравшись из лаза внутри городища Прокша затрубил в рог, давая знать Остромиру.

И сразу со стен стали кричать, подавая сигнал тревоги, дозорные вядов. Но для них время уже было потеряно. В главные ворота уже бил таран русичей. Первые лестницы уперлись в стену, и русские дружинники карабкались вверх и спрыгивали уже с другой стороны. Вяды очнувшись от неожиданного нападения стали стрелять из своих длинных луков. Кто-то из дружинников загородился щитом, а кто-то со стоном падал наземь. И вдруг со страшным треском рухнули от ударов тарана главные ворота. Остромир со своей дружиной ворвался в город. Внутри закипела сеча. Бились на каждом метре земли обильно поливая ее кровью.

Нежата Путила сражался с расчетом, методично, обрушивая на врагов свой огромный меч. В каждом ударе чувствовалась мощь крестьянского прошлого: словно выкорчевывая с поля вековые пни, он выполнял тяжелую, но необходимую работу.

Терех же Лютый напротив, волчком крутился в гуще врагов орудуя сразу двумя мечами. В глазах его горел бешеный восторг. Мимо проскакал ратник, на ходу срубивший визжащему от ярости вяду голову. Голова уже катилась по земле беззвучно открывая рот, а тело все еще бежало пока не наткнулось на стену дома и только тогда упало, загребая ногами.

Дружинники Остромира выстроившись в шеренгу, прикрылись красными, во весь рост щитами и рубили оборонявшихся длинными мечами, теснили вядов к главной площади. За ними волочились зацепившиеся за ноги человеческие потроха.

На площади завязался последний бой. Прокша с яростью пробивался к вождю вядов окруженному своими воинами. Он уже видел его шлем, увенчанный оленьими рогами. Прокша уже поднял меч для удара, непроизвольно опустив щит, как сразу же ему в грудь впились две стрелы пробив кольчугу. Руки Прокши ослабли, и земля прыгнула ему в глаза. Но бой уже был закончен. Раненый вядский вождь висел на руках своих воинов, а сами несколько десятков вядов побросали оружие. Город Осек-Декинив пал.

Остромир молча ходил по дымящемуся городищу среди тел павших. Русичи на копьях выносили раненых, павших складывая отдельно готовя к погребению. Остромир увидел столпившихся дружинников, что-то разглядывающих у себя под ногами.

- «Воевода, что с ними делать?» - обратился дружинник к Остромиру. -

- «Шаман собрал баб с малыми детьми и заперся в поземном капище. Кабыть не запалил.»

И словно в подтверждении его слов, из-под двери ведущей в землянку заструился дымок.

- «А ну, высадить дверь.» - приказал Остромир. Двое дружинников кинулись к двери, просунули клевцы в щель и сдернули с петель. В тот же миг полыхнул огонь, вырвавшийся из-

под земли опалив лица дружинников. Из-под земли донесся многоголосый вой. Все отпрянули назад.

- «Вот ирод, даже мальцов не пожалел.» - сказал кто-то из дружинников.

Сзади подошел Нежата Путила:

- «Это он их души спасает для чудских богов, чтобы мы их в православную веру не окрестили. Одно слово – чудь белоглазая.»

Остромир направился к одному из низких, по окна сидящих в земле, домов, натканых по всему городищу. Там его уже ждал Терех Лютый с дружинниками. В центре стоял на коленях вядский вождь. На месте правой руки у него висел кровавый обрубок, перетянутый скрученной в жгут тряпкой.

- «Мне передали твои слова вождь. Ты хотел, чтобы я сам пришел за данью, так вот я здесь. Что скажешь?»

Толмач перевел вяду слова Остромира. Вождь бешено зыркнул, будто пытаюсь взглядом испепелить воеводу и брызгая слюной зашипел, выплевывая изо рта гневные, непонятные слова. Толмач, как бы извиняясь перевел:

- «Он сказал, что пока он жив, вяды никогда не склонят головы перед русами.»

Остромир побагровел.

- «Русь никогда обиды не прощает. А то, что ты пока жив, так это недолго исправить. Может другой вождь будет сговорчивей. В яму его.» - приказал воевода.

Наутро, на площади стоял вкопанный, обструганный кол, лоснящийся обмазанным жиром. Вокруг стояли оставшиеся в живых вяды. Вождь был готов умереть с высоко поднятой головой, приняв мученическую смерть, но, когда он понял какую позорную казнь ему приготовили, он заголосил, призывая на помощь всех своих богов.

Его тело долго скользило по колу под своей тяжестью, пока его острие не вылезло из горла около запрокинутой назад головы.

Остромир уезжал из города уверенный что теперь, дань будет поступать без задержек от перепуганного нового вождя вядов.

Весть о судьбе Осек-Декинив, разнеслась по всему чудскому краю. При появлении русской дружины у других городов, навстречу Остромиру сразу выезжали чудские послы с богатыми дарами, согласные на любую дань.

Дружина подъезжала к чудскому городу Ракула. Терех Лютый огорченный добровольной сдачей городов, после штурма Осек-Декинив спросил у едущего рядом Остромира:

- «Как думаешь воевода, почему они сдаются без боя?»

Остромир, задумавшись, ответил:

- «Расскажу тебе одну притчу. Как-то встретил один странник на подходе к деревне смерть. И спросил у нее: Ты идешь забрать жизни людей деревни? -Да, — отвечала она. — А сколько душ ты хочешь забрать? — Пятьдесят. Распрощался странник со смертью. Придя в селение, увидел пятьсот умерших от неизвестной болезни. На обратном пути опять странник повстречался со смертью. Почему ты меня обманула? — спросил странник у нее. — Хотела забрать пятьдесят, а забрала пятьсот душ? Отвечала смерть: Я забрала пятьдесят душ, остальные умерли от страха. Как воины, они уже мертвы, и прав был шаман: кровь их детей растворится в крови великой Руси, и останутся от Чуди лишь легенды. Так что эти нам беды уже не сделают».

Въехав в город Ракул, Остромир решил пополнить запасы и дать дружине отдых, сам же определился на постой у старейшины Чуха.

Дом у старейшины был большой; жена Чуха умерла много лет назад, и единственной отрадой для него была его дочь Веле.

Когда Остромир впервые увидел ее, сердце у него захолонуло, а когда Веле, сверкнув зелеными глазами, посмотрела на Остромира, в голове у него помутилось.

Настала ночь. Остромир метался на ложе, как в горячке. Вдруг пламя свечи запрыгало, дверь приоткрылась, и на пороге показалась Веле. Глаза ее блеснули в темноте, яркие губы были чуть приоткрыты, черные длинные волосы рассыпаны по плечам, а под длинной льняной рубашкой угадывался гибкий стан. Веле приложила палец к губам Остромира и, взяв за руку, повела из дома. Они бежали со всех ног. Ветер свистел в ушах, ветки хлестали по щекам, а ноги утопали в мягком мху. А потом они любили друг друга, и все остальное исчезло для Остромира. Веле, прижавшись к нему, горячо шептала:

- «Люба ли я тебе, месяц мой ясный?»

- «Люба, ах как любя».

И вдруг вокруг всё замерло. Вместо Веле стояла кикимора болотная и свита её — лешие в зелёных лохмотьях. Веле, появившись вновь, издала тихий стон и стала таять, пока не превратилась в лёгкую дымку.

Проснулся Остромир в доме, на своем ложе, весь в поту. Было неясно, что это: явь или сон. День прошел как в тумане. Вечером он сел на крыльце и стал ждать, прислушиваясь к лесным шорохам. Веле так и не появилась. С рассветным туманом к нему подошел Нежата Путила, сел рядом.

- «Не спится, воевода?»

Остромир промолчал. Нежата продолжил:

- «Послушай меня, не подпускай ее к себе. Не человек она, навка, порождение чащи лесной. Не ведает она ни добра, ни зла. И отец ее не Чух, а лешак таежный. Чух подобрал ее младенцем на речном берегу, вырастил. Любовь ее сладка, как ни с какой бабой, но выпьет она из тебя жизнь мелкими глотками.»

- «Откуда знаешь?» — хрипло спросил Остромир.

- «Был у меня брат младший. Познал любовь навки. Не прошло и года, высох как старик, и схоронил я его. Ну а то, что она навка, так-то все городище знает. Чудские боги не против того».

Еще два дня прошло, но Веле так и не появилась. Дружина была готова в путь, и Остромир дал приказ готовиться к выходу. Всю ночь перед отъездом прождал он Веле, и уже перед рассветом понесли его ноги в лес. Дойдя до небольшой елани, где они миловались с Веле, он увидел огромного косматого медведя. Медведь, открыв пасть, оглушительно заревел. Из-за дерева вышла обнаженная Веле.

- «Что, бросаешь меня, милый?» — она засмеялась и, вскочив верхом на медведя, прокричала:

- «Всю жизнь будешь искать меня и мучиться. И никогда не забудешь свою Веле».

Она исчезла, а смех ее, как серебряный колокольчик, все раздавался по всему лесу.

С богатой данью вернулся в Новгород Остромир. Сев у себя в тереме, бражничал в одиночестве, не показывая глаз никому. Изяслав жаловался епископу Новгородскому Луке.

- «Печален посадник нынче, только не пойму отчего».

Епископ согласно кивнул.

- «Передал мне посадник в Софийском соборе в дар дивное сокровище — Евангелие. Каждое слово выверено, каждая буква — как молитва. Истинно камень веры нашей. Многие грехи могут проститься за то. А грехи, раб Божий Остромир, все носит в своей душе: ни разу по приезду не был ни на исповеди, ни на причастии».

Изяслав покачал головой.

- «Просится опять в чудские земли. Разрешу. Но чудится мне — не жилец он. Сам вернулся, а душа так в Чуди и осталась. Горько мне терять его».

Глава 4

Глава 4 Олег

Олег Долгополов, выйдя из стен Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, замер на мгновение. Его взгляд устремился в бездонную синеву безоблачного неба, и он глубоко, с наслаждением вдохнул.

Только что его фамилия, словно долгожданный пропуск в новую жизнь, появилась в списках первокурсников историко-филологического факультета. Школьные годы, служба в армии – всё это осталось позади, уступив место волнующему статусу студента.

Для поступления в выбранный вуз Олегу было недостаточно одних лишь отличных знаний истории и английского, по которым он всегда получал пятерки. Дело в том, что в УДН обучались исключительно иностранные студенты, а русских принимали только после прохождения воинской службы и при наличии соответствующей идеологической подготовки. Следовательно, Олегу было крайне важно получить безупречные характеристики по итогам срочной службы в Вооруженных Силах СССР. Для этого требовалось достичь звания отличника боевой и политической подготовки. Задача эта для погранзаставы, где он служил, была непростой, но Олег с ней справился. Он уволился в звании сержанта и, что стало решающим фактором, занял пост секретаря комсомольской организации заставы. Мандатная комиссия, для советского абитуриента важнее любого вступительного экзамена, не задала ему ни одного вопроса. Ректор, декан и представитель академического совета, изучив его армейские характеристики, тут же расплылись в улыбках. Лишь человек в сером костюме, сидевший чуть поодаль, внимательно вглядывался в Олега. "Кагэбэшник, первый отдел," – понял Олег. На его заставе тоже был такой. Декан вопросительно взглянул на "серого", и лишь после его одобрительного кивка облегченно вздохнул и поставил подпись под решением комиссии.

Олегу несказанно повезло: в его призыв на погранзаставу попал еще один москвич. Вадик оказался в точно такой же ситуации, как и Олег. Он тоже планировал поступать, но только в МГИМО, и тоже только после армейской службы.

Всего два месяца назад Вадик с родителями вернулся в Союз из Лондона, и вот он уже в армии. Олег сразу увидел в ошалевшем взгляде Вадика, насколько шокирующим для этого нежного юноши было оказаться после лондонской жизни в этой "жоппе мира". Но для Олега это стало настоящим подарком судьбы. Они подружились, и за два года службы Олег, благодаря Вадиду, заговорил по-английски почти как носитель языка.

Найдя ближайший телефон-автомат, Олег опустил две копейки и набрал знакомый номер. Ленка, словно сидела рядом с аппаратом, сразу же схватила трубку.

- «Ну?» — выпалила она.

- «Что «ну»? Откуда ты знаешь, что это я звоню?» — засмеялся Олег.

- «Долгополов, не валяй дурака. Я уже час по квартире круги наматываю». Олег рассмеялся:

- «Тебе полезно. Короче, я в списках поступивших». Ленка, как ненормальная, заорала в трубку: «Ура-а-а!». Они договорились встретиться в их любимом кафе-мороженом «Космос» на улице Горького.

Ленка — особенный случай. Они с Ленкой Токаревой жили в одном из старых домов на Ленинском проспекте, правда, в разных подъездах. Росли в одном дворе, утопающем в зелени старых лип, учились в одной школе и даже все десять лет сидели за одной партой. Начиная с седьмого класса, многие ребята пытались ухаживать за Ленкой, но она была намертво привязана к Олегу. Она пережила все его мальчишеские влюбленности в других девчонок. А когда Олег уходил в армию, Ленка, серьезно посмотрев ему в глаза, сказала, что будет его ждать. Тогда они впервые поцеловались. Олег привык к тому, что Ленка всегда рядом, что с ней можно

обсудить всё, и как правило, у него не было от неё секретов. А то, что она была ещё и красивой девушкой, было приятным бонусом.

Среди студентов группы Олега он выделялся как единственный представитель Советского Союза. Хотя на курсе и присутствовали другие студенты из СССР, их было совсем немного. Университет же в основном принимал молодежь из Латинской Америки и Африки. Все студенты курса уже были хорошо знакомы друг с другом, ведь они вместе прошли подготовительный этап – нулевой курс, посвященный изучению русского языка. Олег же оказался единственным, кто не знал никого из группы.

Внезапно, рядом с ним решительным движением опустилась на сиденье девушка. Ее фигура была стройна, волосы – густая копна черных, как смоль локонов, ниспадающих на плечи. Кожа отливала теплым шоколадным оттенком, а когда она улыбнулась, показались зубы ослепительной белизны.

- «Привет, однокурсник!» – широко улыбнувшись, она вопросительно подняла брови.

- «Я правильно сказала? У меня пока не очень хорошо с русской грамматикой и падежами. Я Габриэлла.» Она протянула руку. Олег осторожно пожал ее узкую ладошку.

- «А ты...» – она покрутила указательным пальцем в воздухе, задумавшись.

- «Очень похоже на Альберто.»

- «Олег.»

- «Точно! Олег. Но Альберто для меня привычнее. Все уже знают, кто ты.» Она подняла согнутую в локте руку со сжатым кулаком.

- «No pasaran! Ты коммунист. Все хотят с тобой познакомиться, но я первая. А значит, ты должен мне свидание!»

Олег впервые столкнулся с таким напором и лишь рассмеялся. Габриэлла улыбнулась, махнув рукой.

- «Я, конечно, много болтаю. Но насчет свидания я серьезно – ты от меня не сбежишь. Если, разумеется, тебе это по душе,» – она провела рукой по своему роскошному бюсту. Олег снова рассмеялся.

- «Перед такими аргументами я бессилен.»

Ее речь, с характерными мягкими знаками, звучала по-детски наивно, но оттого ее болтовня становилась лишь очаровательнее.

После занятий Габриэлла увела Олега в общежитие. Его встретила просторная, залитая светом комната с огромными окнами. Олег был поражен: он-то ожидал увидеть типичную общагу – с обветшалой мебелью и облезлыми стенами. За накрытым столом уже собралась шумная компания, в основном их одноклассники. Все с радостью приветствовали Олега на русском языке, прося его по возможности исправлять их ошибки. Но среди всеобщего дружелюбия, взгляд Олега зацепился за единственный колючий взгляд с другого конца стола. Это был Уго, отвергнутый любовник Габриэллы, приехавший с ней из Венесуэлы. Олег мог его понять.

Габриэлла, словно приклеенная, не отходила от Олега, совершенно игнорируя Уго. Как это часто случается при общении иностранцев с русскими, прозвучал извечный вопрос: правда ли, что русские могут пить водку как воду, оставаясь при этом трезвыми?

Олег не успел и слова вымолвить, как Уго, напыжившись и явно желая произвести впечатление на Габриэлла, гордо заявил, что латиноамериканцы куда выносливее русских. Тут же на столе появилась бутылка водки. Олег, уже имевший опыт знакомства с этим напитком, прекрасно знал, чего от него ожидать.

Конечно, изящные тонкие бокальчики, в которые разлили водку, отличались от привычного гранёного стакана, но, учитывая уже выпитое, это могло стать настоящей ударной дозой.

Вспомнив наставления старших, Олег нашел взглядом блюдце с маслом, стоявшее на столе. Превозмогая себя, он проглотил маслянистый кусок и лишь тогда повернулся к Уго.

Дуэль закончилась для последнего через каких-то десять минут – его уже несли на кровать. Перед глазами Олега сначала все поплыло, но зрение постепенно сфокусировалось, позволяя ему вести себя уже более осмысленно.

То-ли масло сыграло свою роль, то-ли юный организм оказался крепче, но в этой схватке с Уго Олег вышел победителем. А победителям, как известно, достается все.

Ночью Олег оказался в одной постели с Габриэлой. Пережитое им в этот первый миг близости с женщиной, превзошло самые смелые, самые сокровенные мечты. Габриэла была воплощением красоты, всепоглощающей сексуальности и раскованной страсти. Олег смог стряхнуть с себя этот пьянящий, обволакивающий дурман лишь с первыми лучами рассвета, когда оба изнеможенные погрузились в сладостную дрему.

Олег демонстрировал успехи в учебе, превосходил большинство своих однокурсников, для которых русский язык не являлся родным. Благодаря его глубокому пониманию материала, преподаватели нередко обращались к Олегу на лекциях, чтобы получить более полное освещение рассматриваемых тем.

Внеучебная жизнь Олега тоже задалась. Он быстро влился в ту часть студенческой братии, которая жила торговлей и обменом. Особенно быстро Олег сдружился с Мигелем, парнем из Перу. Откуда у Мигеля брались такие объемы джинсов – загадка, но Олег их забирал, развозил и сбывал оптом своим знакомым фарцовщикам. А джинсы в то время в Союзе были нарасхват!

Дело пошло так бойко, что уже через полгода Олег рассекал на подержанной "шестерке". Олег уже успел привыкнуть к мысли о деньгах в кармане, когда в университетском коридоре столкнулся с тем самым "серым человеком" из первого отдела.

Встреча, очевидно, не была случайной. Начальник первого отдела УДН им. Патриса Лумумбы, Станислав Викторович Кадов, был фигурой, вызывающей трепет. Его звание в КГБ оставалось загадкой, но все предпочитали держаться от него подальше. Кадов взглянул на Олега и усмехнулся. От этой усмешки по спине Олега пробежал холодок.

- «Олег Васильевич. Найдите время зайти ко мне, пожалуйста.» Не дожидаясь ответа, он продолжил свой путь.

Когда Олег с дрожью в коленках вошёл в кабинет Кадова, тот как раз разговаривал по телефону. Прикрыв трубку, он приглашающе указал на стул. Закончив разговор и положив трубку на аппарат, Кадов внимательно и оценивающе посмотрел на Олега.

- «Олег Васильевич, я давно наблюдаю за вами — с тех пор, как дал добро на ваше зачисление в университет на мандатной комиссии. Решение было принято после изучения ваших характеристик с места службы на погранзаставе. Что и говорить, характеристики отличные. У вас даже было задержание нарушителя государственной границы. Я дал вам время на адаптацию в студенческой среде. Ну и... — он усмехнулся — ... некоторые другие моменты, в том числе материального характера.»

«Попал», — мелькнуло в голове у Олега.

- «Теперь настало время встретиться и обсудить нашу с вами дальнейшую совместную деятельность.»

"Уго, сука, заложил", – промелькнула мысль у Олега.

Кадов, словно прочитав мысли Олега, кивнул.

- «Сигнал был, да. Но вы и без него вели себя крайне неосмотрительно. Одно дело – иностранцы, но вы же понимаете, к советским студентам внимание особое.»

У Олега пересохло в горле.

- «Вы меня вербуете?» Кадов помолчал.

- «Вербовкой это не назовешь. Меня не интересуют ваши связи с латиноамериканками или контрабандная одежда от известного нам лица. Этим занимается пятое управление КГБ.

Вам, конечно, не грозит высшая мера, как Рокотову в шестьдесят первом, но срок вы себе уже заработали. Меня интересует другое.»

Кадов перешел на "ты".

- «Олег, ты парень с головой. При выполнении ряда условий, я уверен, мы найдем общий язык. Сейчас по Москве ползут слухи, и ты, наверняка, слышал о взрыве в метро. Так вот, Олег, это не слухи. На Арбатско-Покровской линии произошел теракт, много жертв. Исполнители – армянские националисты, заказчики – западные спецслужбы.»

Глаза Олега расширились. Он молчал, пытаясь переварить услышанное, около двух минут.

- «И зачем вы мне все это рассказываете?»

Кадов понизил голос.

- «А затем, Олег Васильевич Долгополов, что с этого момента ты будешь работать на Родину. Конкретно – на Комитет государственной безопасности. С определенными правами, обязанностями и, – он сделал ударение на последнем слове, – ответственностью. Ты же сам, будучи пограничником, знаешь, что погранвойска подчиняются КГБ. И подписку при увольнении в запас давал. Надеюсь, не забыл?»

Кадов, глядя строго, сказал:

- «Сержант Долгополов, вам нужно взять под контроль весь контрабандный товар, без исключений. Весь ширпотреб досматривать, а образцы еды и алкоголя из каждой партии отправлять в лабораторию КГБ. И ещё — собирайте информацию о всех конкурирующих группах на этих участках, чтобы потом их нейтрализовать.»

Потом, чуть смягчившись, добавил:

- «Олег, пойми, здесь речь о жизни наших людей. Теракт в метро — это только начало. Ну а для всех ты так и должен остаться тем, кем сейчас являешься.»

На следующий день Олег осознал, насколько своевременным был его разговор с Кадовым. Встретившись с Мигелем, он загрузил партию товара и отправился на «Беговую», чтобы скинуть всю партию фарцовщикам.

Уже выгружая из багажника пакеты с плотно упакованными джинсами, он вдруг заметил, как на площадку перед комиссионным магазином подъехали две милицейские машины. Через несколько минут Олег уже сидел на заднем сиденье милицейского УАЗа между двумя оперативниками.

В отделении, улучив момент, он сказал одному из оперативников, что у него есть важная информация. Тот, взяв Олега за плечо, отвёл его в кабинет к своему начальнику.

- «Выкладывай», — без предисловий потребовал капитан.

- «Брянск-Север», — назвал Олег кодовое слово, которое ему передал Кадов для таких случаев. Капитан покачал головой. - «Жаль, - сказал он. - Думал, хоть кого-нибудь сегодня расколю. Ладно, вали домой.»

Олег наклонился к капитану. - «Товарищ капитан, мне весь товар нужно забрать обратно.»

Капитан возмущённо воскликнул: - «Ты что, совсем краёв не видишь?!»

Олег приложил руку к груди: - «Не могу я подставляться.»

Капитан тяжело вздохнул, подвинул телефон Олегу и сказал: - «Звони куратору.»

Теперь Олег взял под полный контроль весь товар, который появлялся на территории университета, через своих людей. Все эти мелкие торговцы, которые раньше промышляли импортной одеждой, парфюмерией, продуктами и алкоголем, теперь исчезли благодаря Кадову. Как говорится, если не можешь победить – возглавь.

Каждая партия продуктов и алкоголя проходила строжайшую проверку. Олег лично доставлял образцы в секретную лабораторию КГБ, и лишь после вердикта эксперта давал зелёный свет на распространение.

Этот раз не стал исключением. Мигель, как всегда, умудрился раздобыть что-то особенное – два ящика английского можжевельного джина Beefeater. Олег тут же отправил одну бутылку на экспертизу и стал ждать. На следующий день телефон разорвал короткий, тревожный голос эксперта:

- «Проблема. Приезжай.»

- «Что, это суррогат?» — уточнил Олег у эксперта.

- «Нет, это джин высочайшего качества, — пояснил тот. — Однако в него добавлено химическое соединение, содержащее циангруппу. Оно связывается с ферментами, отвечающими за клеточное дыхание, подавляя их активность и вызывая кислородное голодание. Проще говоря, это своего рода *momento mori*. Конечно, если не ввести антидот — нитрат натрия. Стоит отметить, что именно джин выбран в качестве носителя цианида. Если бы его добавили в сладкий ликер, цианид вступил бы в реакцию с глюкозой, образуя альдегидную группу и значительно ослабил бы свое действие. В джине же, основанном на можжевельном спирте, цианид достигает максимального эффекта. Вкус горького миндаля, который является результатом реакции синильной кислоты, маскируется терпкостью можжевельника. Летальный исход наступает в течение трех-пяти минут».

Олег, договорившись с экспертом о доставке всей партии джина на уничтожение, отправился в университет.

Зайдя в комнату, где хранились ящики, он сразу заметил: край одного из них надорван, а двух бутылок не хватает. На столе, под тетрадью с учетом проданного товара, лежали две купюры по двадцать пять рублей.

"Мигель", — мелькнула мысль, — только у него был ключ от комнаты. Олег захлопнул дверь и помчался в общежитие. Влетев на второй этаж, он остановился у комнаты Мигеля. Дверь была заперта изнутри, а за ней слышался звон стаканов. Олег с размаху выбил дверь ногой и ворвался внутрь.

На столе стояли две злополучные бутылки Beefeater. Четверо друзей Мигеля, подняв стаканы, готовились попробовать этот чудесный, недешевый напиток. Сам Мигель, развалившись в кресле и явно наслаждаясь вниманием, собирался произнести тост.

Олег, не мешкая, нанес Мигелю сильный удар ногой в голову. Отлетев, Мигель ударился о тумбочку в углу комнаты и потерял сознание. Олег обернулся, осматривая помещение. Комната оказалась пуста. Друзья Мигеля исчезли, словно их и не было. Олег опустил на стул. Его руки непроизвольно подрагивали.

Через несколько мгновений Мигель начал приходить в себя. С трудом поднявшись, он обхватил голову обеими руками и хрипло спросил:

- «Олег. Ты хотел меня убить?»

Олег, уже совладавший с дрожью в руках и методично собиравший в пакет стоявшие на столе бутылки и стаканы ответил:

- «Если бы хотел, то мне достаточно было подождать еще пару минут. Ты и твои друзья отправились бы на тот свет сами.»

Не вдаваясь в лишние детали, он поведал о яде, обнаруженном в бутылках. Олег выбил из Мигеля всю правду о происхождении джина. Результат не стал сюрпризом. Поставщиком оказался кто-то из персонала посольства Великобритании в Москве. Они действовали довольно небрежно, словно рассчитывали на скорую кончину покупателя, даже не пытаясь замести следы.

Глава 5

Глава 5 Ты – моя судьба

Утро началось с неожиданной встречи. Выходя из квартиры, Олег столкнулся на лестничной площадке со своим давним знакомым, соседом Стасом. Они знали друг друга с самого детства. Стас, который как раз заканчивал РГГУ, с энтузиазмом поделился:

- «Олег, как ты смотришь на то, чтобы немного отвлечься? Я сейчас работаю над дипломом по фольклору русской деревни, собираю старинные сказания. Наткнулся на одну удивительную деревеньку в Ярославской области. Как насчет того, чтобы сбежать от городской суеты и отведать настоящего парного молочка?»

Олег, вспомнив о недавних событиях, почувствовал, что такая передышка ему просто необходима. Они договорились отправиться в путь на следующее утро, ровно в пять часов.

Залив полный бак отправились в дорогу. Деревенька была небольшой - всего пять домов, где старики доживали свой век.

По их воспоминаниям, когда-то здесь была большая и шумная деревня. Олег, слушая, как Стас записывает сказания и байки, и насладившись кружкой парного молока, решил прогуляться.

Выйдя за околицу, он сразу очутился в волшебном лесу. Лесной, свежий воздух наполнял лёгкие, ласковое солнце нежно согревало, а вокруг раздавалось нежное пение птиц, словно сама природа пела свою песню. Мягкая, влажная трава ласкала босые ноги.

Внезапно, среди зелени, проступила едва различимая тропинка. Не задаваясь вопросом о ее назначении, он неспешно пошел вперед. Примерно через километр пути тропа вывела его на крохотную, затерянную полянку. В самом ее сердце возвышалось старое, иссохшее дерево. На его ветвях висела потемневшая от времени икона, а под ней тихо тлел огонек зажженной лампы.

Справа, словно притаившись, виднелась землянка. Приоткрытая дверь землянки словно манила Олега. Он шагнул внутрь, позволяя глазам адаптироваться к густому полумраку.

Взору открылась скудная обстановка: грубый дощатый стол, пара лавок, простая лежанка. Но внимание приковала фигура в углу – небольшая, облаченная в монашеское одеяние, она стояла на коленях перед иконой, освещенной трепетным огоньком лампы.

Олег ощутил укол неловкости, поняв, что нарушил чужое уединение, и уже собирался бесшумно ретироваться, как вдруг тишину разорвал низкий, скрипучий голос:

- «Ну вот, Олег, сын Василия, ты и пришел.» Олег замер, растерянность сковала его.

- «Откуда вы...» – выдохнул он. Монах, сложив руки на груди, произнес:

- «Многие люди прошли свой земной путь и тихо ушли в вечность. Они жили, чувствовали, любили – так же, как и мы, но теперь их нет. Если бы каждый осознавал это, разве осталось бы время на глупости, нелюбимую работу, чужих людей, ненависть, гордыню, обиды, зависть, жестокость, неверие, цинизм и презрение? Неужели мы стали бы растрачивать драгоценное время жизни на пустую суету и бессмысленные поступки?

Нам необходимо научиться любви и милосердию. Об этом говорил Иисус Христос через Евангелие. Именно это станет нашим пропуском в Царствие Небесное. Не деньги и богатство, а любовь, милосердие и доброта помогут нам спасти душу.»

Всё вокруг Олега померкло, растворилось в тумане, и лишь лицо монаха, с пронзительным взглядом из-под густых бровей, осталось перед ним.

- «Жизнь начинается с множества путей. С каждым принятым решением, с каждым прожитым годом, большинство из них закрывается, оставляя в итоге лишь один, тот, что ведет к конечной цели. Твоё имя означает ПОСВЯЩЕННЫЙ,» – произнёс монах, и голос его звучал как древний напев.

– «На твоём пути многое откроется тебе, но и многое будет с тебя спрошено. Не забывай слабых и униженных, противостоя сильным и порочным. Вдали от родного очага помни о земле своей. И если ступишь в долину смертной тени, не страшись зла, ибо Господь с тобой; его жезл и его посох – твоё утешение.»

Монах осенил Олега крестом.

- «Ступай и не страшись. Господь будет с тобой.»

Олег, словно парализованный, выбрался из землянки. Ноги казались чужими, мысли путались, но слова монаха настойчиво звучали в голове.

По дороге назад Олег решил выяснить у Стаса подробности о монахе.

- «Про монаха-схимника я слышал», – начал Стас, пожав плечами.

– «Зовут его Иоанн. Говорят, он никого к себе не пускает. Единственный раз, когда он как-то взаимодействовал с деревенскими, это когда, по их рассказам, он оживил одного мальчишку после удара молнии. Насколько это правда – неизвестно, да и было это очень давно, тому парню сейчас лет сорок, наверное. С тех пор деревенские носят схимнику хлеб, и ничего другого он от них не принимает.»

Олег старался забыть о встрече с монахом, но его слова напомнили о себе гораздо позже.

Наступило время, когда вплотную нужно было заняться учебой. Необходимо было ликвидировать все хвосты, образовавшиеся после недавних событий.

Но куда более серьезным испытанием, чем любой экзамен, был зачет – настоящая проблема, требующая глубокого понимания.

А посвящен был зачет основам философской мысли народов Индии. Собрав внушительную стопку учебников, Олег уже три дня сидел в тишине пустой аудитории, пытаясь распутать сложнейшие узлы индийских учений, но все его усилия оставались безрезультатными.

Олег, погруженный в учебники, не услышал, как распахнулась дверь аудитории. Лишь легкое, почти невесомое касание воздуха выдало, что он больше не один.

Подняв взгляд, он увидел ее – стройную, словно сотканную из лунного света, фигуру в белом сари, расшитом золотыми нитями. Лицо ее было совершенным, как у античной богини, кожа – цвета теплого молока с оттенком какао, а черные волосы струились, словно шелк.

Она приблизилась, и воздух наполнился тонким, чарующим благоуханием.

Это была Лакшми, слушательница другого потока на курсе Олега. Он видел ее лишь мельком, эту загадочную девушку, всегда держащуюся в стороне, словно цветок, не желающий раскрываться всем.

Лакшми сложила ладони перед лицом, кончики пальцев едва коснулись изящно изогнутых бровей. Олег, уже знакомый с индийскими обычаями, понял, что это приветствие.

Их разговор завязался легко, и по мере его развития на губах Лакшми расцветала нежная улыбка. Ее темные, опущенные глаза изредка поднимались, встречаясь с взглядом Олега на считанные секунды. Каждый такой мимолетный взгляд заставлял его сердце биться в бешеном ритме, а внизу живота разливалось жаркое, пульсирующее тепло.

Лакшми сказала, что зубрежка основных понятий индийской философии, при всем ее многообразии, потребует колоссальных усилий. Истинное понимание же достигается через глубокое погружение. Она предложила свою помощь в этом, и они договорились о встрече на следующий день.

Олег приехал по адресу, оставленному Лакшми. Это был дом для партийной номенклатуры средней руки. В фойе, среди кадушек с метровыми пальмами и цветов в горшках, сидела вахтерша с настороженным взглядом. Назвав номер квартиры, Олег поднялся на лифте.

Дверь ему открыла служанка Лакшми, приехавшая с ней из Индии. Войдя в просторную комнату, Олег увидел Лакшми в чудесном небесно-голубом сари. Она двигалась с удивительной грацией дикой кошки. Весь интерьер комнаты подчеркивал ее индийское происхождение

и высокий статус. В углу на маленьком столике курились благовония под тихую индийскую музыку. Лакшми застенчиво улыбнулась:

- «Я попыталась создать нужную атмосферу для занятий.»

Рассказы Лакшми об Индии, поданные в такой живой и доступной форме, не найти ни в одном учебнике. Это было поистине удивительно. Все то, что Олег тщетно пытался вызубрить, теперь легко укладывалось в его голове.

Лакшми заговорила об индийской богине любви Рати, которую сравнивают с Венерой. Широко распахнутые, пылающие глаза Лакшми уже не опускались в смущении, а неотрывно смотрели в глаза Олега.

Лакшми встала, грациозно, едва касаясь пола изящными ступнями. Повернувшись к Олегу спиной, под звуки музыки она начала исполнять танец богини любви. Олег, затаив дыхание, не мог отвести взгляда.

В какой-то момент, одним плавным движением, Лакшми заставила свое сари взлететь, словно огромное полотно, перед глазами Олега, а затем оно опустилось у ее ног.

Обнаженная, подобная античной богине, лишь с небольшим кусочком ткани, расшитым сверкающими камнями, между ног, она продолжала свой танец.

Идеальной формы грудь, подпрыгивала в такт движениям, а украшения на шее вторили ей мелодичным звоном.

Сердце Олега все еще колотилось в бешеном ритме, когда два обнаженных тела, словно стремясь слиться воедино, бросились навстречу друг другу.

Стоны Лакшми звучали для него музыкой, наполняя воздух нежностью.

Обессиленные, они лежали рядом, и Лакшми, смущенно прикрывая наготу сари, казалась воплощением хрупкой красоты. Слова были излишни; ее счастье читалось в глазах Лакшми, что в темноте сияли, как два драгоценных камня.

Когда утро рассеяло тьму, Олег обнаружил на белой простыне алое пятно – молчаливое подтверждение непорочности дара Лакшми.

Олег был настолько поглощен мыслями о Лакшми после их встречи, что постоянно искал её в университетских коридорах. Каждый раз, когда его взгляд находил её, он получал в ответ её нежный взгляд. Олег знал: их встречи произойдут только наедине, без посторонних. Обычно, если позволяло время, они находили друг друга после занятий и ехали к ней.

То, что происходило с ними наедине было похоже на любовное безумие, где они теряли себя в объятиях друг друга. Ненасытные, они искали близости вновь и вновь. В один из таких моментов, когда наслаждение достигло своего апогея, из уст Лакшми вырвался тихий стон, сопровождаемый шепотом:

- «Мэра бхаги».

Когда он, очнувшись от пьянящего забытья, спросил значение этих слов, она, с дрожью в голосе, произнесла:

- «Я должна тебе все рассказать.»

Лакшми происходила из знатной семьи раджи, принадлежавшей к княжескому роду. Хотя после обретения Индией независимости в 1947 году все привилегии были отменены, тысячелетняя кастовая система сохраняла свое влияние. Семья Лакшми, будучи представительницей высшей касты брахманов, чьи члены занимали практически все ключевые государственных посты, обладала значительным влиянием. Инвестировав в развитие собственного бизнеса, они построили огромную бизнес-империю. Сочетание государственной должности главы семьи, занимающего пост лидера парламентской палаты, и родства с вице-президентом Индии обеспечивало неприкосновенность их деловых интересов.

В такой семье родилась и выросла Лакшми. Лучшие воспитатели, учителя и многочисленная прислуга находились в распоряжении любимой дочери раджи. Однако, благодаря мудрой матери, Лакшми выросла не избалованной, а образованной и доброй девушкой.

Когда Лакшми исполнилось тринадцать лет – возраст, когда индийская девочка начинает превращаться в женщину – в дом был приглашен главный прорицатель касты брахманов.

Но ни испуганная девочка, ни ее родители не почувствовали радости от слов прорицателя.

Мужа, предназначенного ей судьбой, она встретит далеко от Индии, в большой, мистической северной стране, где вода становится твердой, а земля покрыта белым пухом.

- «Как я найду эту северную страну и человека, предназначенного мне?» — пролепетала испуганная девочка.

- «Искать не нужно. Судьба сама найдет тебя.» — был ответ прорицателя.

В Индии произошел заметный сдвиг: некогда престижное образование в Кембридже, наследие бывших колонизаторов, уступило место советским ВУЗам.

При первой встрече с Олегом она замерла, пораженная. Сердце провалилось куда-то в бездну, а внизу живота разлилось нежное, обволакивающее тепло. В тот миг все стало кристально ясным.

Услышав всю эту историю, Олег не мог поверить своим ушам. Воспитанный в атеистических убеждениях, он был совершенно сбит с толку тем, как Лакшми современная и образованная девушка, могла так серьезно отнестись к этому, казалось бы, мракобесию. Лакшми же, напротив, недоумевала, как можно отвергнуть столь очевидную истину, прозвучавшую из уст прорицателя. Она не знала, считал ли Олег ее своей единственной избранницей на всю жизнь. Но одно было неоспоримо: ей предстояло принять свою судьбу и подарить себя предназначенному.

В индийской культуре телесная близость мужчины и женщины – это священный ритуал.

С волнением и слезами на глазах Лакшми уверяла Олега:

- «Муж – это земной бог. Он – та часть женщины, без которой она не является ни человеком, ни личностью, ничем. Ты – моя мэра бхаги, моя судьба.»

Олег сидел напротив Кадова, в его кабинете. Кадов барабанил кончиком ручки по столу, явно нервничая.

- «Ты вообще в курсе, что такое жить в чужой стране? Да не просто в чужой, а в такой, как Индия! Тебе что, здесь девок мало?»

Олег упрямо стиснул губы.

- «Она не девка.»

Кадов метнул на него взгляд.

- «Ладно, извини. Но ты хоть отдаешь себе отчет, на что идешь? Да, семья у них богатая, спору нет, но все равно – там совсем другие люди, другие взгляды на жизнь, другие ценности.»

Кадов обреченно вздохнул.

- «Вижу, тебя не переубедить. Хорошо. Через две недели прилетает делегация из Индии по культурному обмену. Глава делегации – вице-президент Индии Мухаммад Хидаятулла, и твой будущий тесть, – Кадов заглянул в свои записи. – Шри Автар Сингх Рихи. Ну и родственников ты себе нашел. Не знаю, как ты с ним будешь общаться.»

Олег успокоил его:

- «Станислав Викторович, я хорошо знаю маратхи.»

Кадов пристально посмотрел на Олега.

- «Долгополов, да не в том дело. Как ты вообще со всеми ними собираешься найти общий язык?»

Кадов снова уткнулся в свои записи.

- «Так, слушай сюда. Через месяц ты отправляешься в учебный центр КГБ. Обучение займет три месяца. С нашим деканатом я договарюсь, экзамены сдашь экстерном. Понимаю, там учатся по пять лет, но тебе дадут хотя бы основы – так сказать, "взлет-посадка". В Индии будешь на связи с нашим резидентом, тебя проинструктируют.»

Олег недоуменно уставился на Кадова.

- «Но ведь у нас с Индией вроде как дружба-жвачка?»

Кадов усмехнулся.

- «Дружба, да. Но британская МИ-6 до сих пор чувствует себя там как дома, на Таймсквер. Так что будешь ты, Долгополов, Родине там служить.»

Глава 6

Глава 6 Морское путешествие

Когда Ольшанский уже оформлял свою мини-экспедицию в Индию, к нему подошел Сазонов.

- «Казимир, ты просто обязан взять меня с собой! Никого полезнее меня ты все равно не найдешь и потом тебе же все равно нужен человек знающий санскрит.»

Ольшанский с сомнением посмотрел на Сазонова.

- «Фима, да мне никто разрешения не подпишет, когда узнают, что я забираю с собой заведующего единственной лабораторией в библиотеке. Кто будет проводить экспертизы?»

Сазонов прижал руки к груди:

- «Я оставлю на хозяйстве своего зама, а с начальством не сомневайся, я договорюсь.»

Сазонов понимал: поездка с Ольшанским – это уникальный шанс прикоснуться к столь фантастически интересной теме. К тому же, ему необходимо было хоть ненадолго вырваться из слишком удушающих объятий своего клиента-спасителя, Романа Кирилловича.

Ефим Анатольевич начал замечать нечто тревожное: за ним словно установили наблюдение. Его взгляд то и дело останавливался на одном и том же человеке – угрюмом, с непроницаемым лицом. Куда бы ни направлялся Сазонов, этот человек неизменно оказывался поблизости, превращая подозрения в пугающую реальность. Ефим Анатольевич был уверен: это дело рук Романа Кирилловича.

Уже целый месяц Сазонов и его знакомый каллиграф, которого он для удобства оформил лаборантом, трудились над копированием Остромирова Евангелия. Задача оказалась невероятно сложной: требовалось создать дубликат, неотличимый от оригинала для любого эксперта. Конечно, дорогостоящий компьютерный анализ мог бы выявить подделку, но для этого нужны были веские основания для подозрений.

Когда Сазонов доставил заказчику готовый экземпляр, он почти не дыша наблюдал как Роман Кириллович сначала внимательно изучал книгу под увеличительным стеклом налобной лупы, затем перешел к корешку, и, наконец, поднес ее к самому носу, вдыхая аромат старой бумаги. После этого, взяв сканер, он начал медленно, страницу за страницей, проводить им по каждому листу, словно сканируя саму душу книги. После этого Роман Кириллович немного отодвинулся от стола и некоторое время молча сидел, погруженный в раздумья. Наконец он произнёс:

- «Ну что же, уважаемый, я не ошибся в вас. Вы создали восхитительный новодел. Bravo.»

Потом он нахмурился и сдвинул брови:

- «Ты что, мерзавец, действительно думал, что я не отличу оригинал от подделки? А если бы я вместо твоей дочери вернул бы тебе какую-нибудь другую наркоманку?»

Сазонов от ужаса вжался в кресло. Роман Кириллович, успокоившись, продолжил:

- «Хотя для вас Сазонов, наверное было бы лучше, если бы она всё-таки получила срок. По крайней мере, осталась бы жива. А так...»

Он махнул рукой, словно желая прекратить разговор.

- «Вернемся к нашему договору. Вы его не выполнили. Ваш, конечно великолепный и искусно созданный фолиант пойдет в зачет, но мы договаривались о другом.»

Роман Кириллович пристально посмотрел на Ефима Анатольевича.

- «Сазонов, куда вы собрались? Вы оказались человеком весьма скрытным. Но чтобы не заставлять вас лгать и перейти к главному, – он резко направил указательный палец в сторону Сазонова,

– Вы мне должны. И не испытывайте мое терпение. Поверьте, это не принесет удовольствия ни мне, ни тем более вам. Поэтому всё, что вы узнаете в своей поездке, я должен знать в первую очередь.»

Ольшанский сформировал состав своей небольшой, но тщательно подобранной группы. В нее вошли сам Ольшанский, Саша Токарев и, конечно же, незаменимый Сазонов, чьи глубокие познания в санскрите обещали стать ключом к разбору древних текстов.

Когда друг и кум Ольшанского, крупный бизнесмен Алексей Васин, узнал от своей жены, преподавателя психологии Аллы Викторовны Шаровой, что ее ученик Саша Токарев отправляется в Индию под руководством Ольшанского, он решил полностью профинансировать экспедицию. Несмотря на возражения Казимира Владимировича, Васин аргументировал это тем, что средств, выделенных библиотекой, хватит лишь на дорогу до Дели, но не более. Он также настоял на включении в состав экспедиции своего человека для решения возможных силовых и криминальных вопросов. Этим человеком стал Вячеслав Анатольевич Стрельцов.

Прилетев в Дели и ступив из прохлады самолета в густую, влажную жару, все ощутили резкую смену обстановки. Сердце забило чаще, одежда мгновенно прилипла к телу. Воздух наполнился ароматами острой еды, смешанными с запахами толпы, животных и выхлопных газов. На площади перед аэропортом их захлестнула атмосфера свободы и раскрепощенности.

Огромная, гомонящая масса людей, полная улыбок и смеха, заполнила все вокруг. Радость, казалось, охватила всех – богатых и бедных, взрослых и детей. Вокруг царил удивительная благожелательность, словно само присутствие прилетевших гостей уже приносило счастье.

Оказавшись в Дели, Ольшанский не терял времени. Его путь лежал к отцу Саши Токарева – человеку, который, как он верил, знал, где искать продолжение пророчества, скрытое среди оставленных пальмовых листьев.

Отыскать особняк, где обитала семья тестя Олега Долгополова, Шри Автара Сингха Ричи, оказалось делом несложным. Их встретил старый садовник, чьи слова омрачили прибывших гостей печальными вестями.

Молодая госпожа Лакшми, едва успев вернуться из России, скончалась при родах. Ее мать, не в силах перенести такое горе, последовала за ней. Муж госпожи, Олег, в поисках уединения, исчез неведомо куда. Сам же хозяин особняка, построив небольшой храм, проводит в нем почти все свое время.

В тихом дворе храма, под сенью раскидистого баньяна, господин Рихи, сидя на каменной скамье и встретил гостей из России. Его невидящий взгляд устремился куда-то вдаль, и тихим, мягким голосом он произнес:

- «Он прибыл в наш край с большими надеждами. Но обрушившиеся на него испытания легли тяжким грузом на его сердце. После смерти его жены, моей дочери, мир для него изменился навсегда. Все, что прежде казалось важным, теперь стало далеким и чужим. Он не смог оставаться там, где каждое мгновение напоминало о счастье. И он стал искать место, где можно было просто дышать.

Боль подобна реке: она течет, меняет русло, но никогда не исчезает совсем. Она становится частью нас. Нужно научиться жить с ней. А города полны суеты, тогда как душе нужна тишина. Посмотрите вокруг: горы стоят миллионы лет, деревья растут неспешно, цветы раскрываются в свое время. В этом нет спешки. Только так можно услышать себя. Утренний туман, словно нежное покрывало, окутывает долины. Исцеление – не гость по расписанию, оно приходит тогда, когда мы отпускаем его, переставая ждать. Важно найти свой собственный путь. И не просто помнить, а научиться хранить воспоминания так, чтобы они согревали душу, а не причиняли боль.»

Единственное, в чем Рихи был абсолютно уверен, — это то, что Олег Долгополов направился к острову "Счастья", затерянному среди Андаманских и Никобарских островов.

В гостинице все вместе попытались проложить курс к острову "Счастья", но задача оказалась непростой. Точное местоположение острова было неизвестно, ведь на карте значилось целых 204 острова, что делало поиск крайне сложным. Первой целью стала Калькутта – отправная точка для путешествия на острова.

В Калькутте, среди агентств, предлагающих аренду яхт, Ольшанский, столкнулся с удивительным феноменом: никто, казалось, не слышал об острове Счастья. Десяток безрезультатно обойденных офисов привели его в порт. Там, среди скрипа снастей и запаха соли, он начал беседы с портовыми судовладельцами. И лишь в самой дальней, забытой бухте, среди десятка старых, потрепанных шхун, он нашел тех, кто предлагал морской фрахт для перевозки грузов.

Единственным, кто согласился на предложенный Ольшанским маршрут, оказался Родриго Санчес, шкипер старой шхуны. Остальные лишь переглядывались, хмыкали и качали головами.

- «Остров Счастья, говоришь?» — проговорил Родриго, спускаясь по трапу. Голос у него был хрипловатый, будто пропитанный солью и ветром.

Ольшанский кивнул, стараясь держаться спокойно. Он знал, что сейчас важно каждое слово.

- «Да. Мне нужно туда. И я готов заплатить.»

Родриго усмехнулся, но в усмешке не было насмешки — скорее горькое понимание того, сколько людей искали счастья в самых неподходящих местах.

- «Счастье... Странное название для места, о котором шепчутся в портовых тавернах так, будто это проклятие, а не награда. Я слышал истории. Говорят, там туман ложится на воду так плотно, что не видно собственной руки. Говорят, что птицы облетают его стороной. И ещё говорят, что те, кто туда плывёт, редко возвращаются прежними.»

Ольшанский не отвёл взгляда.

-«Я знаю, что это опасно. Но мне не нужно возвращаться прежним. Мне нужно добраться.»

Капитан помолчал, потёр подбородок, на котором пробивалась седая щетина. Он посмотрел на свою шхуну, словно проверяя, всё ли в порядке.

-«Судно старое, — наконец произнёс он, будто оправдываясь перед самим собой. — Но я доверяю ему. Оно повидала штормы, которые молодые корабли не пережили бы. И я повидал немало. Остров Счастья... Да, я кое-что слышал. Не легенды для туристов, а то, что передают шёпотом между теми, кто не любит задавать лишних вопросов.»

Он шагнул ближе, понизив голос:

-«Если мы пойдём туда, правила будут мои. Никаких самовольных высадок, никаких поисков сокровищ в одиночку. И если я скажу «разворачиваемся» — мы разворачиваемся, даже если до берега останется одна миля. Ты согласен?»

Ольшанский выдохнул, будто сбросил с плеч тяжёлый груз нерешительности.

-«Согласен.»

Родриго кивнул, и в этом кивке было что-то окончательное — как будто якорь наконец нашёл дно.

-«Тогда поднимайтесь на борт. Будем готовиться. Ветер обещает быть попутным, но это море не любит тех, кто слишком уверен в завтрашнем дне.»

Шхуна отправилась в путь на рассвете. Кроме Родриго, в команде был только один человек: полинезиец Тапу Боро, весь покрытый татуировками.

Покинув воды дельты Хугли, шхуна уверенно рассекала волны Бенгальского залива, устремляясь в бескрайние просторы Индийского океана. За бортом пенилась морская вода, а двигатель мерно тарахтел. На палубе, укрывшись от солнца под натянутым парусиновым тен-том, собралась вся экспедиция.

Стрельцов сосредоточенно чистил свой пистолет, происхождение которого оставалось загадкой. Сазонов, погруженный в мир путевых заметок, изучал описания дальних островов, а Ольшанский и Саша Токарев, изредка обмениваясь тихими словами, впитывали в себя завораживающую панораму, открывающуюся за бортом.

Тапу Боро обустроивал клетку, где для путешествия разместили свиней и птицу. На пятые сутки над океаном опустился такой плотный туман, что с трудом можно было различить нос шхуны. Родриго сбросил скорость, и судно медленно, как будто на ощупь, продвигалось вперед.

Наконец подул легкий ветерок, рассеивая плотный туман. Но через какое-то время ветер стал все более и более усиливаться, и вот уже за бортом вздымались десятиметровые волны.

Шхуна то взбиралась на гребень волны, то падала вниз. Океан ревел, палубу то и дело захлестывали волны. Животные в закрепленной клетке визжали от ужаса. Родриго в рубке пытался выровнять шхуну, чтобы огромные волны не ударили в борт и не опрокинули судно. Бортовой компас словно сошел с ума: его стрелка крутилась как бешеная, не останавливаясь ни на одном румбе. Все члены экспедиции вынуждены были укрыться в трюме.

Шторм стих только к ночи. Океан, погруженный в непроглядную тьму, освещали лишь луна и яркие звезды. Постепенно, один за другим, те, кто искал убежища в трюме, выбирались на палубу. Последним показался Саша, его лицо утратило всякий цвет, словно простыня. Внизу его буквально выворачивало от тошноты. Стрельцов же, казалось, остался совершенно нетронут произошедшим, его вид был безмятежен.

Ольшанский, качающейся походкой приблизился к Родриго.

- «Куда нас, черт возьми, занесло?» – спросил он.

Родриго лишь неопределенно пожал плечами.

- «Сейчас выясним.»

Он подозвал Тапу. Скинув с себя парусиновую робу, Тапу вытянул руки, сомкнув их в круг. Ольшанский заметил, что на внешней стороне рук Тапу были вытатуированы линии, напоминающие деления компаса. Родриго пояснил:

- «Если соединить руки в круг, направив кончики пальцев к Южному Кресту. Ваш левый локоть укажет на восток, правый – на запад, а затылок – на север. Так вы сможете определить все основные румбы.»

Родриго повернулся, чтобы увидеть спину Тапу. На ней была вытатуирована целая карта Индийского океана, с мельчайшими островами.

- «Завтра на рассвете я смогу с абсолютной точностью указать, где именно на этой карте мы находимся», – заявил Родриго.

На палубе, где кому пришлось, устроились на ночлег. Под мерное, словно колыбельная, покачивание шхуны, все погрузилось в глубокий сон.

Утром Ольшанского разбудило позвякивание металла. Родриго чинил двигатель шхуны после шторма. Тапу, скрестив ноги, вытачивал ножом заостренные палки. За завтраком все делились переживаниями о шторме, подшучивая друг над другом. Только Тапу, покачав головой, сказал:

- «Дух моря сердится.»

Родриго, разобрав и тщательно смазав каждую деталь двигателя, уже начал сборку. Но в этот момент Ольшанский, пятясь задом от борта шхуны, и дрожа всем телом, схватил его за руку.

Родриго обернулся и встретил взгляд Ольшанского – глаза его были широко распахнуты, а трясущаяся рука указывала на воду. Там, в глубине, мелькнула исполинская тень, и над поверхностью показался внушительный плавник.

- «Белый дьявол», – выдохнул Тапу, его голос был едва слышен.

Вся команда застыла, словно превратилась в камень. Родриго и Тапу готовы были, как это случалось не раз, вступить в схватку с самыми свирепыми бурями, но только не с молчаливой бестией, чья пасть была усеяна тысячью острых, как лезвия бритв, зубов.

На шхуне воцарилась мертвая тишина, все застыли словно статуи наблюдая за большой белой акулой. Она кружила вокруг шхуны изредка выныривая и показывала свою хищную морду.

Тапу, метнулся к клетке с животными. Он выхватил самую упитанную свинью, но испуганное животное вырвалось у него из рук и громко визжа стало метаться по палубе. Все кроме Родриго не понимая что происходит молча следили за происходящим. Родриго улучив момент прыгнул на животное схватил его за задние ноги. Тапу подбежав, одним резким движением ножа распорол ей брюхо. В образовавшуюся рану он вложил заранее подготовленную тыкву и скрепленные острые палки так, чтобы тыква не выскочила из брюха свиньи.

Агонизирующее животное издало пронзительный визг, который мгновенно привлек акулу. Одно движение хвоста – и океанский хищник оказался у самого борта.

Не давая акуле опомниться, Тапу швырнул свинью за борт. Вода тут же окрасилась в кроваво-красный цвет. Вереща и барахтаясь из последних сил, свинья пыталась удержаться на поверхности. В мгновение ока несчастное животное исчезло в пасти гигантской акулы.

Минуты тянулись в напряженном ожидании. Огромная акула, размером почти вдвое превосходившая шхуну, медленно развернулась. Одним ударом хвоста она могла бы отправить судно на дно. Но когда острые концы палок начали впиваться в ее внутренности, убийственный яд самой ядовитой рифовой рыбы Индийского океана, заключенный в тыкке, проник в кровь белой бестии.

По всему телу морской убийцы пробежала дрожь. "Белый дьявол" из последних сил ударил хвостом по воде и тут же погрузился в непроглядную океанскую бездну. Вода, сомкнувшись над ней, оставила после себя лишь зловещую тишину.

Ольшанский сидел на палубе, размышляя о новых сюрпризах, которые готовил океан. Подойдя к Родриго, он увидел, что тот закончил сборку двигателя и с удовлетворением вытирал руки ветошью.

- «Как думаете, сколько нам еще придется болтаться в океане?» — спросил Ольшанский. Родриго сощурился, взглянув на мелкую рябь воды.

- «Думаю, завтра будем на месте.»

Ольшанский усмехнулся.

- «Интересно, как вы это определили? По какому прибору?»

- «Мне не нужны приборы. Посмотрите на воду. Мелкие волны движутся в противоположную от ветра сторону. Это значит, они уже достигли берега, ударились о него и изменили направление. Учитывая скорость ветра, можно определить расстояние до берега.»

Глава 7

Глава 7 Остров счастья

На следующий день на горизонте показался остров. Его окружала высокая стена из белого мрамора. Когда путешественники наконец ступили на землю и почувствовали под ногами твердую почву, они, все еще немного покачиваясь, как будто были еще на шхуне, подошли к воротам этой новой территории похожей на монастырь.

Стрельцов своим пудовым кулаком несколько раз ударил в массивные деревянные ворота и отступил, дав Ольшанскому выйти вперед. Открылось маленькое окошко, показалось смуглое лицо стража. Ольшанский, не зная, как к тому обращаться, произнес:

- «Скажите, мы могли бы поговорить с управляющим этого... эээ... учреждения. Дело в том...»

Страж, не дав договорить, с абсолютно непроницаемым лицом проговорил:

- «Это частная территория, и вы не можете здесь находиться.»

Ольшанский попытался возразить, но окошко уже захлопнулось. Не зная, что делать дальше, Ольшанский бросил взгляд на Стрельцова. Тот, пожав плечами стал методично колотить кулаком в ворота. Окошко снова отворилось, но Стрельцов, не дав стражнику и слова вымолвить, двумя пальцами вцепился в ноздри его носа, похожего на сливу, и с силой потянул. Голова стражника, вывернувшись, оказалась снаружи. Зрелище было комичным, но для самого стражника, судя по слезам, текшим из его глаз от боли, отнюдь не веселым.

- «Неласково вы встречаете гостей», – укоризненно произнес Стрельцов.

- «Откройте нам дверь, уважаемый».

Стражник, не в силах пошевелиться, пока Стрельцов держал его, нащупал рукой запор и отворил дверь.

Оказавшись внутри, они увидели комплекс разнообразных сооружений, среди которых с озабоченными лицами ходило множество людей в белоснежных тогах. Эти здания явно служили местами для проведения религиозных обрядов. Однако принадлежность их к какой-либо конкретной религии оставалась неясной. В архитектуре и символике сочетались элементы основных конфессий — буддизма, ислама, христианства — а также черты языческих верований, таких как вуду. Как только страж ворот сделал энергичный жест, к вошедшим тут же устремился отряд из дюжины человек. Каждый из них был вооружен длинной бамбуковой палкой, а их черные тоги выдавали в них стражей монастыря. Выстроившись полукругом и выставив вперед свое оружие, они плотно окружили прибывших, прижав их к воротам. Из-за их спин показался еще один человек. Его черная тога была из более дорогой ткани, а вместо обычного ремня на поясе тускло поблескивал золотой обруч.

Выслушав слова Ольшанского, он произнес:

- «Следуйте за мной», и повел новоприбывших по лабиринту монастырских коридоров.

Наконец, они оказались в зале, где своды терялись в высоте под куполом. В сердце зала, на пьедестале, возвышавшемся над полом, сидел жрец. Цветочная гирлянда обвивала его шею, а у его ног курился дым благовоний.

Ольшанский, вспомнив все задокументированные в архивах беседы со священнослужителями, четко обозначил причину их визита. Но стоило ему назвать имя тестя Олега, Шри Автара Сингха Рихи, как надменность мгновенно покинула лицо жреца, уступив место самой радушной улыбке.

- «Он пришел ко мне, как и многие до него, ища утешения и жаждая покоя.»

Жрец сокрушенно покачал головой.

- «Душа его была изранена бурей мирских тревог, и он сгорбился под тяжестью невидимого бремени. "Покая," – прошептал он, и голос его дрожал, словно осенний лист на ветру. Я говорил с ним мягко, неторопливо, напоминая о великом порядке, что царит во Вселенной, о мудрости, превосходящей человеческое разумение, и о том, что каждая боль – это ступень на пути к просветлению. Я рассказывал о богах, чьи очи видят наши страдания, и о том, что даже в самой темной ночи таится обещание рассвета.

Он кивал, но взгляд его оставался далеким, устремленным куда-то за пределы этого мира. Он искал мгновенного исцеления, а я мог предложить лишь долгий путь, требующий терпения и веры. Каждый, кто решил принять нашу веру "Исцеляющей Благодати", должен провести здесь время, очищаясь от мирской скверны. Когда душа его будет готова, он пройдет обряд посвящения, станет нашим братом и полностью посвятит себя учению, отвернувшись от мира. Но, пробыв здесь лишь несколько дней, он ушел, решив сначала отправиться к священному хранилищу пальмовых листьев судьбы.»

Жрец, которого здесь называли Учителем, с радостью поручил гостей господина Рихи заботам главного монаха и удалился.

Монах, следуя просьбе, согласился познакомить гостей с монастырем.

- «Начнем с врат, – начал он. – Это не просто преграда для чужаков, а символ перехода из мира суеты в царство покоя. Резные знаки – древние обереги, пропускающие лишь тех, чьи помыслы чисты, а сердце открыто благодати. Пройдемте внутрь. Здесь центральный двор, сердце обители, где братья по утрам собираются для общей молитвы. В полдень лучи солнца падают точно на каменный круг – знак единства мира земного и небесного. Вдоль стен растут лавры: их листья мы сушим для благовоний, что зажигаем во время обрядов. Теперь наш путь лежит к обители мудрости – библиотеке. Здесь, в тишине, покоятся свитки, хранящие сокровища древних знаний. Каждый том подобен чаше с живой водой: лишь приоткрой его, и ты утолишь жажду, испив из неиссякаемого источника. Мои собратья проводят здесь свои дни, погруженные в кропотливый труд – переводят тексты, расшифровывают письма, что несут в себе мудрость минувших эпох. Ибо перевод, с незапамятных времен, был мостом, соединяющим народы и приносящим мир. Он открывает двери для диалога, а диалог, в свою очередь, рождает дипломатию и плодотворное сотрудничество, ведущее к всеобщему процветанию. Мы должны научиться танцевать между вековой дихотомией, которую разъяснили Цицерон и Иероним. Часто утверждают, что самая большая трагедия, описанная в Старом Завете — это не изгнание человека из райского сада, а падение Вавилонской башни. Ведь Адам и Ева, пусть и лишенные благодати, по-прежнему могли говорить и понимать язык ангелов. Но когда люди в своей гордыне решили построить путь на небо, Бог посрамил их и лишил взаимопонимания. Он разделил их, запутал и рассеял по земле. В Вавилоне было утеряно не только единство человечества, но и прамировой язык — нечто первозданное и врожденное, понятное и совершенное по форме и содержанию. Библейские ученые называют его адамическим языком. Имеет значение не то, каким был адамический язык, ведь совершенно очевидно, что мы утратили к нему доступ. Мы никогда не заговорим на божественном языке. Собирая все языки, весь спектр человеческих фраз, мы можем попытаться. Мы никогда не доберемся до небес из мира смертных, но наше разделение не бесконечно: мы можем достичь того, что человечество утратило в Вавилоне.»

Монах, указывая на величественную, уходящую вглубь земли лестницу, произнес:

- «Здесь, в этих глубинах, наши братья творят нечто поистине божественное. Это не просто предмет, а проводник, через который адепт обретает саму суть учения, освобождаясь от оков земных недугов и грехов. Погружение в этот мир дарует ему созерцание и безмятежный покой. Вы стоите на пороге места, где рождается истинная магия, где, по сути, обитают алхимики. Но в отличие от них, мы постигли тайну трансформации вещества. И наша алхимия не требует материальных реагентов – она вершится силой Слова. Сила вещества заключена в

словах, точнее в том свойстве языка, которое не способны выразить слова, и оно утрачивается, когда мы переключаемся с одного языка на другой. Вещество улавливает утраченное и воплощает его в жизнь.»

Покинув библиотеку, они оказались в саду медитации. Узкие тропы, выложенные камнями, хранили отпечатки стоп монахов, отполировавших их до блеска. В центре сада, у пруда, усыпанного лилиями, возвышался огромный кусок гранита с выдолбленной нишей. Напротив нее, на трех отполированных камнях, сидели трое монахов.

- «Здесь проходит инициация адептов нашей веры,» – произнес главный монах, указывая на нишу.

- «Чтобы вы постигли истинное учение, я приоткрою завесу истинной веры.»

Саша Токарев, словно испугавшись, отступил назад, пока его спина не уперлась в живот Стрельцова. Сам Стрельцов и Сазонов застыли с открытыми ртами. Неожиданно для себя, Ольшанский сделал шаг вперед и занял место в нише.

Главный монах возложил на голову Ольшанского тяжелый, широкий обруч из неизвестного металла. Трое монахов, расположившихся полукругом перед нишей, начали размеренно читать: один – Коран, второй – Тору, а третий – Библию. Обруч на голове Ольшанского завибрировал, словно живой. Мощная энергия, исходящая от него, пульсировала, разливаясь вокруг с треском, похожим на ломающийся бамбук. Мир перед глазами Ольшанского померк, затянутый пеленой. Воздух вокруг сгустился, образовав невидимый барьер, поглотивший все звуки. Он оказался в абсолютной тишине, один на один с собой, хотя и знал, что вокруг люди. Этот кокон защищал его от любых угроз. Внезапно всё стихло. Монахи замерли, а главный из них снял обруч, возвращая Ольшанского в реальность. Поднявшись, Ольшанский ощутил в теле удивительную лёгкость.

Главный монах передал обруч, и его унесли.

- «Наши братья создали сплав, в котором заключена особая восприимчивость к духовным основам великих религий человечества. Особые сочетания священных фраз наделяют это вещество силой, способной исцелять даже самые глубокие недуги несовершенных тел. Тех, кто был на грани смерти, после инициации возвращали к жизни, и они здравствуют поныне. Ни один последователь Храма Исцеляющей Благодати не покинул этот мир. Старейшие из нашего братства хранят мудрость, которую для остальных можно найти лишь в древних летописях.»

Оставив позади сад медитации, они долго взбирались по ступеням, ведущим к башне созерцания. На просторном плато их встретило множество братьев: одни погрузились в глубокую задумчивость, другие неспешно бродили, словно в поисках ответа. Главный монах, обедая их взглядом, произнес:

- «Лишь те, кто прошел священный обряд посвящения, удостоиваются этого восхождения. Отсюда, с этой головокружительной высоты, открывается панорама всего мира, и кажется, будто сами боги склоняются к тебе, шепча сокровенные тайны бытия.»

Сазонов тихо обратился к Ольшанскому:

- «Казимир, обрати внимание на их глаза. Этот взгляд меня пугает.» Ольшанский внимательно всмотрелся. В глазах посвященных читалась абсолютная пустота. В них не было ни малейшего следа каких-либо эмоций. Их движения были замедленными и неторопливыми. Они не общались и не проявляли интереса друг к другу. Создавалось впечатление, что они настолько глубоко погружены в свои внутренние переживания, что им трудно сосредоточиться на внешнем мире.

Ольшанского не отпускало беспокойство. Все объяснения главного монаха не могли заглушить его внутреннего ощущения: состояние посвященных было ему крайне неприятно.

На ночлег они разместились в покоях, выделенных главным монахом. Ольшанский, усевшись на свою кровать, произнес:

- «Ну и что вы обо всем этом думаете, друзья мои?»

Сазонов оглянулся на дверь:

- «Ну и место. Эти статуи, эти странные символы — все это выглядит как-то зловеще. Как ты, Казимир, вообще решился на этот эксперимент с обручем, неизвестно чем это вообще могло закончиться, непонятно. Я вообще не понимаю, что тут происходит.»

Саша тихо произнес:

- «Возможно, для местных это нечто священное.»

Сазонов нервно встал:

- «Священное? Посмотри на эти ритуалы! Они ходят кругами, бормочут какие-то заклинания, жгут странные травы. Это чистой воды суеверие! Никакого смысла, одна мистика.»

Ольшанский покачал головой.

- «После всего, что я почувствовал, я бы не был так категоричен. А ритуалы... они ведь часто несут лишь символический смысл.»

Сазонов понизил голос до шепота.

- «Символический? Да это просто инструмент контроля! Посмотри на этих посвященных — глаза пустые, будто их зомбировали.»

Саша приложил руку к губам.

- «Не стоит так горячиться. Хотя, признаюсь, атмосфера здесь действительно гнетущая. Иногда становится жутковато.»

Стрельцов наконец подал голос.

- «Я в этой всей чепухе несилен, но одно могу сказать точно: охрана — настоящие профи. Физически они подготовлены отлично, и, скорее всего, владеют восточными единоборствами.»

Внезапно, в наступившей тишине, послышались шаги, приближающиеся к двери. Все присутствующие замерли, словно по команде. Саша, с широко раскрытыми от удивления глазами, инстинктивно прикрыл рот ладонью. И тут раздался тихий, осторожный стук.

Дверь едва заметно приоткрылась, пропуская внутрь темную, со скрытым капюшоном лицом фигуру в черной тоге. - «Позвольте?» — произнес незнакомец, его голос звучал приглушенно.

- «Я слышал, вы разыскиваете Олега. Он заходил сюда в поисках утешения от постигшего его несчастья, но, увы, не нашел его. Мы долго беседовали. Весь тот ужас, что творится здесь...» Он безнадежно махнул рукой.

- «Прошу вас, продолжайте,» — мягко произнес Ольшанский.

Происходящее здесь никак не связано с религией. Верховным Учителем является профессор психологии Кембриджского университета Сэмюэл Уильямс. Главный монах, так красочно и подробно описывающий жизнь монастыря, — это доктор словесности того же университета Оскар Браун. Неизвестным образом в руки Самюэля Уильямса попал рецепт загадочного сплава. Это вещество обладает пугающим свойством: оно подавляет нервные центры человека и разрушительно воздействует на мозг. Вдохновленные этим открытием, Уильямс и доктор Оскар Браун решили основать собственную религию. Их последователи, проходящие через ритуал "инициации", — это люди, чьи пути к секте были результатом длинных цепочек рекомендаций, и которые, как правило, обладают значительным состоянием. После обряда они оказываются в состоянии полной зависимости, без колебаний передавая все свои активы Уильямсу. Бедняки, попавшие в сети Уильямса и Брауна, после определенной обработки оказываются в мрачной подземной лаборатории алхимиков. Там их ждет рабский труд — создание таинственного сплава. Но выбраться оттуда невозможно. Их удерживают невидимые, но неодолимые оковы самого вещества. Любая попытка побега вызывает нестерпимую боль. Это не боль от пореза или ожога, а нечто гораздо более глубокое: ощущение, будто кости крошатся изнутри, снова и снова, без конца и края. Физически тело остается невредимым, но страдания абсолютны, рожденные в глубинах разума. Это чем-то напоминает ломку наркомана. Вся деятельность монастыря направлена на расширение его влияния. В настоящее время,

используя подставных лиц, ведутся переговоры о приобретении Андаманских и Никобарских островов. Цель этой сделки – создание цитадели Храма Исцеляющей Благодати, а местное население планируется обратить в свою паству. Подобные амбиции не имеют границ. Если не появится сила, способная разорвать этот порочный круг, в конечном итоге монастырь завладеет всем мировым богатством.»

Воцарилось молчание.

- «Неужели ничего нельзя предпринять?» – вырвалось у Ольшанского.

- «А как же власть имущие?»

Незнакомец лишь пожал плечами.

- «Среди приверженцев этого учения немало тех, кто занимает высокие посты. А Уильямс... у него, по сути, полностью развязаны руки.»

Сазонов недоуменно спросил:

- «Кто вы и как сюда попали? Вы не понимали, что здесь происходит?»

Незнакомец вздохнул.

- «Меня зовут Питер Бейкер. Я доктор философии Кембриджского университета. Меня пригласил Оскар Браун, главный монах. Мы были знакомы по университетской работе. Он уверял, что Уильямс – не просто учитель, а пророк, призванный дать миру новое учение. Увидев процесс инициации, я поверил ему безоговорочно. Долгое время я был среди послушников, внимал его словам, наблюдал за его действиями. И теперь вижу то, чего другие предпочитают не замечать: его учение – не свет истины, а завеса, скрывающая жажду власти и богатства. Его слова – о духовном росте, но сам он погряз в роскоши. Он призывает нас к жертвенности, но жертвует лишь нашими деньгами и нашей верой. Он обещает просветление, а взамен вырывает последние сбережения. Он не ведет к свету – он возводит свое царство. Не делится мудростью – он торгует ею. Не служит божеству – он жаждет им стать. Слава – вот его истинный идол. Деньги – вот его подлинная вера. А мы – лишь источник его безграничного могущества. Я видел, что он сделал с теми, кто не смог одарить его щедро. Я слышал его шепот с Брауном о новых схемах обогащения. Я знаю: за фасадом показной святости скрывается холодный, расчетливый ум, который видит в нас не духовных братьев, а лишь мешки с деньгами. Настало время прозреть. Мы жаждем подлинного света истины, а не блеска фальшивых догм. Наш путь лежит к сиянию познания, а не к служению пьедестала чужих честолюбивых замыслов.»

- «Питер, я не сомневаюсь в ваших чувствах и в том, что вам пришлось пережить, – произнес Ольшанский, выслушав его пылкую речь. – Но как вы реально хотите помочь людям?»

Питер раскрыл свой замысел: в монастыре у него есть единомышленники, особенно среди угнетенных рабочих в алхимических подземельях. Они изготавливали амулеты из особого вещества, которые, будучи частью ритуала инициации, передавали свою силу при каждом новом обряде. План был дерзким: рабочие должны были сделать точные копии амулетов из обычного металла и подменить ими оригиналы, тем самым вырвав носителей из-под контроля Уильямса. Более того, сам Уильямс и Браун должны были лишиться своих золотых поясов, которые планировалось заменить на пояса, созданные алхимиками из того же загадочного вещества. Для воплощения своих планов Питеру Бейкеру требовалась помощь. Ольшанскому предстояло согласиться на обряд посвящения. Уильямс был готов пойти на это, ведь он давно стремился наладить контакт с таким влиятельным человеком, как господин Рихи. Во время посвящения, когда на Ольшанского наденут обруч, Уильямс и Браун будут рядом. Именно тогда все и произойдет.

На месте инициации Ольшанский сидел, чувствуя, как тяжелый обруч давит на череп. Перед ним, словно в трансе, монахи нараспев читали псалмы. Этот обруч, однако, был установлен с удивительной точностью: он пришелся точно на то место, где Питер Бейкер, под длинными волосами Ольшанского, закрепил узкую кожаную повязку. Таким образом, металл не касался кожи, что служило для Ольшанского своеобразной защитой.

Воздух стал плотным, словно налитым. Раздался резкий треск, и все вокруг начало вибрировать, будто земля под ногами ожила. Однако сознание Ольшанского оставалось кристально чистым – план Питера сработал, кожаная повязка выполнила свое предназначение.

Он пристально смотрел в глаза стоящих перед ним Верховного учителя и главного монаха. Медленно, словно туман, их взгляды начали мутнеть, и когда треск достиг своего кульминационного момента, оба они безвольно рухнули на пол, словно их жизненные силы были исчерпаны. Вооруженные топорами, копьями и ножами, мятежники хлынули со всех сторон, целясь в Верховного учителя и главного монаха. За спинами склонившихся фигур не было видно, что творится в эпицентре схватки. Но это мгновение было коротким. Вскоре мятежники уже неслись по гулким коридорам монастыря, настигая и поражая отступающую охрану в черных тогах. На холодном каменном полу остались лежать бездыханные тела Верховного учителя и главного монаха.

В сердце обители, где прежде звучали лишь молитвы, разразилась отчаянная битва. Воздух наполнился едким запахом дыма и свежей крови. Охрана в черных тогах, отступая, пронзала копьями восставших, и те падали, захлебываясь собственной кровью.

Но численное превосходство было на стороне восставших. На каждую черную тогу приходилось не менее десятка белых. Вскоре черные тоги были смяты натиском белых одеяний, испещренных кровавыми разводами. Монастырь пал. Повсюду, вперемешку, лежали тела в черном и белом. Воздух стал тяжелым от запаха смерти. Победители перевязывали раны, а проигравшие ... проигравших больше не было. Лишь ветер гулял по залитым кровью залам, шелестя страницами древних книг, разбросанных по полу.

Ольшанский, Сазонов и Саша, сломленные пережитым и увиденным, сидели у монастырских ворот, погруженные в гнетущее молчание. Всех мучила одна мысль - не превратился ли Питер Бейкер в нового Уильямса. Лишь Стрельцов, казалось, оставался спокойным. Он снимал окровавленную рубашку, вытирая ею свой десантный нож – очевидно, для него подобные сцены были привычной реальностью.

Добравшись до шхуны, они молча поднялись на борт. Родриго, бросив быстрый, но проницательный взгляд на каждого, без лишних слов кивнул. Судно бесшумно отошло от берега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.